

Константин ПОБЕДИН

П О Э М Ы
Э П О Х И
О Т М Е Н Ы
Р А Б С Т В А

«ПУШКИНСКИЙ ФОНД»

Константин ПОБЕДИН

**П О Э М Ы
Э П О Х И
О Т М Е Н Ы
Р А Б С Т В А**

«ПУШКИНСКИЙ ФОНД»

Санкт-Петербург • МСМХСVIII

П 41
ББК 84. Р7

Марка издательства работы
Сергея Семенова

ISBN 5—85767—119—1

© К. Победин, 1998.

ПОЭМЫ
ЭПОХИ ОТМЕНЫ РАБСТВА

ЛЮДИ И ВОЛКИ

«Волки соблюдают между собою законы ассоциации, дисциплины и строгой справедливости. Они рабы своего слова. Не было примера, чтобы в шайке волков возникли споры и разбирательства по поводу раскладки дивиденда».

«Об истреблении волком домашнего скота и дичи и об истреблении волка» В. М. Лазаревского.

Приложение к «Правительственному вестнику» 1876 года, с. 14.

Раньше, когда людей и волков было примерно поровну, жизнь протекала в их остром социальном соперничестве. И, случалось, волки на целые десятилетия брали верх. Кое-где до сих пор старожилы вспоминают по имени-отчеству выдающихся вожаков. Как памятники истории охраняются их логова, тропы, памятные объедки.

Все еще раздаются голоса о необходимости возврата к старым, испытанным ценностям каннибализма. Оно, может, и хорошо бы туда вернуться, но с кем? Вот вопрос. Часть нашего поголовья безымянна, часть невидима. Кто сознательно приостановил свое членство среди нас.

Кот Барсик рассказывал мне историю своей жизни, вспоминал отца, мать, сестер. Одна из них, Лариса, жива, работает экономистом в Горьком. О судьбе брата знает в общих чертах, поддерживать отношения боится, у нее слабое сердце. Старшая сестра безымянна, то есть растворена. Перед войной она училась в Арзамасе, в техникуме. Там это и произошло.

Популяция волков также подверглась существенным видоизменениям. Волки — юристы, художники, педагоги — теперь не редкость. Много их в среде служащих. Есть оригинальные особи, испытавшие судьбу домашних животных. Например, коров, свиней, даже куриц. Известны: волк-справочник, волк-штаны. Существует планета Волк. Волком является также и слово «волк».

МУЗЫКА

Бабушка Елена была глухая. Слух она потеряла в середине жизни, но не до такой степени, чтобы быть вовсе отрезанной от мира. Слуховой аппаратик с проводками и динамиком вставлялся в ухо, как пробка. Еще был наушник для пользования радио. Бывало, что-нибудь по хозяйству делает бабушка: гладит, шьет, и в тишине чему-то улыбается. Это значит, хорошую музыку передают.

С музыкой в моей жизни связано не так уж много воспоминаний. Пожалуй, это — самое яркое. Было лето, и я грыз что-то кислое в саду. Из дома донесся страшный, что называется, «нечеловеческий» вопль. Я подавился и бросился на помощь. Куда? Кому?

В комнате у электроплитки стояла бабушка Елена, что-то помешивала в кастрюльке, в ухе чернел радионаушник. Она стояла в адском, истощном завывании, безмятежно, как праведница в костре. Слушая своего Шопена, бабушка и не подозревала, что наступила коту Барсику на хвост, да так ловко, что он не мог даже извернуться и укунить хозяйку за ногу. Как он не сошел с ума от такой долгой и жестокой боли? Впрочем, надо уточнить, бывают ли сумасшедшими коты.

Из этого воспоминания для меня совершенно неопровержимо следует вывод: все то, что мы не в состоянии воспринять, потрогать, использовать, и посему склонны считать несуществующим, — вполне существует, порою рядом, и, возможно, страдает, глядит с мольбою в наши невидящие глаза.

ЖЕНСКАЯ ПРОФЕССИЯ

И вот мы на территории, где будто бы Михаил Зощенко ведает кадрами. Кто еще может сочинить такую профессию: марочница? В ресторанной подсобке марочница поставлена гением человека следить за выдачей алкогольных напитков и прочих кушаний. Она присматривает за официантами, поварами и буфетчицей затем, чтобы у них какое-нибудь слияние страстей не вышло. Само собой, в таком любовном, насильственном многоугольнике и те и та любят марочницу, как законную супругу. Чужая душа — потемки. Но лишь до места впадения Волги в Каспийское море, до контроля, до выхода в кормилец-зал.

Женщину, если ее не очень загружают любовью на работе, способен исправить сторонний мужчина. Например, муж. Но муж марочницы, молодой и еще теоретически способный мучитель, каждый вечер нетрезв, как говно. Марочница его тем не менее любит и даже молится в темноте Богу: Господи! Дай ему хотя бы по-человечески кончить! Но Господь, как вы догадываетесь, не внемлет столь пошлым мольбам. Есть подозрение, что Господь расценивает любые мольбы как пошлые. Конечно, это дело его вкуса.

Марочница просыпается и, ничего не жуя, идет на работу к одиннадцати. Сегодня ночью, во сне, ее опять били по животу тонкими палочками и лезли во все двери какие-то дальневосточные танцеватые малыши. Супруг, поборотый этой привлекательной сволочью, опутанный яркими шелковыми нитками, изнывал поблизости. Интересно, будет ли этот сон сниться дальше? Любовь такая вещь, что если она не имеет законченной формы, то лучше смотреть на облако, пока не подойдет нужный троллейбус.

Муж марочницы технически образован. Очнувшись, он считает швы на потолке, их четыре, всякий раз так получается. После этого он считает свою жизнь неудавшейся, ведь его жена в идеале должна была бы быть метрдротелем в этом своем кабаке. Бы!.. Бы!.. Бы!.. — так запивает он кипяченой водой из банки эту свою повседневную идею.

Марочница неутомимо заготавливает для него с вечера потребные три литра кипяченой воды. Женщины, такова их расовая теория, за всеми нами ухаживают, подтирают

и следят. Но это не обязательно в радость. Следить за слишком косящими налево официантами — повседневная трудовая повинность марочницы. И вы, невзирая на знакомство, если вдруг захотите что-нибудь пронести из буфета в зал без чека, будете, безусловно, пресечены.

Марочница надеется выслужиться в буфетчицы. Администрация уже, конечно, оценила ее честность и кой о чем в этом смысле вроде бы помышляет. Дай-то Бог!

Каждый человек имеет право на место под солнцем. И в гардеробе, и у супового котла, и на должности коренщика, и в соприкосновении с лимитированными копченостями, языками и колбасами, и на мойке этих блядских тарелок, и в неприступной твердыне буфета, и у кассового аппарата. И если этого кто-то еще не понял, пусть лучше поскорее убирается из служебного помещения. Для таких как раз и написано самое популярное изречение нашей эпохи отмены рабства: «Посторонним вход воспрещен».

ОДИН РАЗ В ЖИЗНИ

В младших классах любовь к Ленину фактически преподавалась. Конечно, не было такого предмета, который бы назывался «Любовь к Ленину». Но и не было ни одного урока, где бы об этой любви речь так или иначе не шла. Учителя не зря трудились, я понял, что Ленин — удивительная, беспрецедентная личность. Тем не менее, как и все дети в СССР, я его не любил. Я его обожал. Обожать, между нами говоря, намного легче, чем любить.

В школе меня быстро заметили функционеры всяких празднеств. Видать, глазенки сияли, голосок звенел. Был я отобран в особую команду таких же горластых детишек. Может быть, мне и сейчас с вами легко болтать потому как раз, что с той поры редко приходилось помалкивать. Тут как в стае: кем назовут, тем и будешь.

Мы работали в жанре коротышек и несмышленишек. Нас постоянно снимали с уроков и отводили в зал на спевки. Но мы не пели. Мы по очереди выкрикивали различ-

ные клятвы, уверения и пожелания. Вся эта божба должна была, по идее, усладить слух представителей общественности. Нас дрессировали так, чтобы выходило зычно, бойко, с улыбкой по стойке «смирно».

Когда мы были отрепетированы назубок, выдрессированы до упора, нас притащили в оперный театр. Но и там не пели. В тот день театр служил обществу чем-то вроде культового сооружения. Мы были маленькой частью мистерии, освящающей очередную годовщину Октябрьской революции. В зале собирались те, кто хотел это отпраздновать. За кулисами находились люди, которые делают праздник. Подготовка зрелища — само по себе зрелище. На наши головы сыпалась пыль с невиданной высоты. Пахло потом, краской, съеденным мандарином, фанерой, сапогами. Десятки дяденок и тетенок бегали туда-сюда. А там, в яме, за тяжким кровавым занавесом, завывая, кашля, величаясь и грохоча, рассаживались зрители.

Актеры, которым было доверено штурмовать Зимний дворец, сильно смахивали на мобилизованных педиков. Их накрашенные глаза горели холодным огнем. Под неискренними, накладными рабоче-крестьянскими усами извивались напомаженные рты. Но нас больше интересовало их оружие. Оно оказалось весьма приблизительным. Такое оружие никого не убедит умереть по-настоящему.

Было томно, тесно, мы напряженно бездействовали, как конница в засаде. Захотелось по-маленькому. Красногвардейцы объяснили мне, где это у них делается. Я немного поплутал в унылых коридорах, нашел и открыл дверь.

Над писсуаром, потупясь, стоял Владимир Ильич Ленин. Он бурно мочился. В земных и небесных молниях, в человеческих и лошадиных силах вспыхнула, напряглась и перегорела, пролилась зря, мимо светоносных турбин и плодоточных каналов протекла, низверглась в грязную kloконошную дыру эта забываемая историческая минута. Владимир Ильич стряхнул последнюю каплю и поднял глаза.

— А, подгастающее поколение! Милости гпросим, милости гпросим! — прокартавил он с хищной улыбочкой. — Что это вы в двегях гастопыгились? Пгоходите, будьте как дома! — при этом он сделал отвратительный жест пальцем. Я описался, развернулся и вышел. С тех пор мы больше не виделись.

КРАСНЫЕ ЛАТЫШИ

Быть красным латышским стрелком — значит быть готовым встать на защиту революционных преобразований в чужой или чуждой тебе стране.

Основная симптоматика

Красные латышские стрелки Лениньш, Сталиньш и Бухариньш неусыпно охраняли все входы-выходы в светлом здании III Интернационала. Но не каждому солдату партии по плечу такая задача. Вот и стрелок Бухариньш предал — ушел в предание, вот и пламенный Лениньш истлел на посту — поступил в распоряжение таксидермистов.

А здание IV Интернационала было сплошь остеклено Львами Толстыми (Троцкими) — зеркалами русских революций. Верней, его, Давидыча, пенснами, пёнснами. Лев Давидыч сам день и ночь в своем неприступном стеклянном дворце за всех блистал, отдувался.

Знаменитый красный латыш Сталиньш рукой Москвы, то есть рукой малоизвестного наемного кубинца (жителя подмосковной ж.д. станции Кубинка), нанес зданию IV Интернационала смертельный удар ледорубом. Почему не стеклорезом, запросто могут спросить позднейшие исследователи. Потому и спросят, что поздно, милые, спохватились.

Наш Стеклорез Морис Торез
Взвалил на плечи и исчез.
Теперь, чтоб вырезать Стекло,
Зовем товарища Дюкло!..

Кто из старожилов III Интернационала не помнит этой задорной, многотомной песенки, донесшей не только до нас, но и до всеуслышания компетентных органов имени красных латышей всех национальностей, тех, кто подначивал народы мира маршировать строем в светлое будущее, а сам сидел, фигурально и буквально, в одной, ночью, без понятых, отдельно взятой стране!

Домой миленок дорогой
Принес ватрушку с курагой,
Но, может, в эти кураги
Стрихнин подсыпали враги!

Не ешь, родной, коварен враг!
Не для одних твоих кураг —
На весь он выделяет яд
На мировой пролетаряют.
Повыковыркой курагу
И брось назад, в лицо врагу.
Пусть сам, отравленный, бежит
Сдыхать за наши рубежи!

И эту песенку, если кто позабыл, напоем для острастки!

Из всех красных латышей чудом выжили два брата: старший, Сталиньш, и меньший, Пельше. Но выжили по-разному: Сталиньш выжил из человеческой жизни всех нас, а Пельше выжил из ума. И поэтому ему, бедолаге, не удалось отвертеться от предъявленного на Страшном суде обвинения в злоупотреблении национальностью.

ИЗГНАНИЕ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ С НЕМЕЦКОЙ ЗЕМЛИ

«Больше всех служат к движению и возбуждению страстей живо представленные описания, которые очень в чувства ударяют, а особливо как бы действительно в зрении изображаются. Глубокомысленные рассуждения и доказательства не так чувствительны, и страсти не могут от них возгореться; и для того с высокого седалища разум к чувствам свести должно и с ними соединить, чтобы он в страсти воспламенился».

М. Ломоносов
«Риторика», 1748, с.156

Эта история поневоле является частью Мировой Истории.

Одному молодому человеку повезло. Он проходил срочную службу вдали от отчего Уральского хребта в филейной, по нашим понятиям, части — в Восточной Германии. Повезло не одному ему. В ту пору там было полно наших везучих войск. Они, разумеется, выполняли свою высокую историческую миссию — преследовать цели и отстаивать интересы, ну а между делом наслаждались трогательной доступностью всевозможного гражданского барахла. И пивком! И колбаской! Колбасятинкой, сортов которой у

немца напридумано больше, чем у Бога — народов. Не станем сбрасывать со счетов и культпоход в Дрезденскую галерею. В наших словах нет ни капли иронии. Спросите всякого, кто там служил: что, разве не так?

Но и в счастливых войсках, всегда готовых подтвердить наши слова, случаются порой недоразумения. И везучему солдату не повезло. В черный день своей службы он потерял штык. Солдат был дневальным, находился все время в казарме, штык в ножнах, ножны на ремне, а ремень на солдате. Логический круг замыкался таким образом, что выпавший штык должен был бы валяться в казарме; но его там нигде не было.

В Советской Армии заведено: потерял казенное имущество — найди любой ценой, хоть из-под земли достань. Это же надо себе представить! Родина доверила бойцу оружие, которое он присягал беречь как зеницу ока, сучий потрох, раздолбай хренов! Короче, непосредственный начальник прочитал солдату изнурительную нотацию, дал сутки на отыскание штыка и пригрозил, на всякий случай, кажется, линчеванием.

Солдат загрустил, и, как это порой бывает с молодыми людьми под влиянием скорбных дум, его «прохватило». А в сортире, на насесте, внезапно озарила догадка: здесь, именно здесь он этот несчастный штык посеял!

Сразу внесем ясность. Речь идет о дворовом русском сортире. Его рецепт незамысловат: выкапывается яма, а над ней устраивается деревянный настил с дырками по количеству персон. К этому добавим какие-нибудь стенки, дверь, можно крышу.

Давно замечено, что не все взрослые люди способны оправляться достаточно «кучно» и, продолжая пользоваться стрелковой терминологией, «садят в молоко», то есть мимо круга мишени. Отчего это так, знают, наверное, лишь специалисты. Простые плотники, не вдаваясь в тонкости антропологии, вырубают обычно дырку пораздольнее, с запасом под всякий темперамент. В такую, по крайней мере, целый солдат протиснется.

Да! А что вы думаете? В обед, когда сортир обезлюдел, солдат надел костюм химической защиты, противогаз, спустился под настил и стал там бродить, нырять и шарить.

И надо же! По какой-то нам неведомой, высшей причине, именно в это время и в то же место является его не-

посредственный начальник. То есть не совсем туда. Начальник, как и подобает старшему по званию, занял место все же поверх настила...

Надо заметить, что, неискренний от природы, солдат о своих планах загодя командованию не сообщил. Так что начальник вполне безыдейно распрягся, воссел и уже было приступил, как вдруг послышался некий подспудный всплеск и почувствовалось неуместное интимное прикосновение...

Каким бы ни был человеком этот начальник, а, между нами говоря, это был начальник как начальник, то есть вполне заурядный человек; но даже и незаурядный человек, даже сам командующий Западной группы войск в иные моменты становится предельно чутким и ранимым, словно раскрывшийся поутру колокольчик. Сейчас был именно такой момент. Начальник содрогнулся, брезгливо потупился и обнаружил у самого своего плакучего пестика вздетую из смрадной тьмы жуткую человеческую руку с ножом!..

Дальнейшее бывалый читатель сам в состоянии дорисовать и раскрасить. Стихийное выступление на историческую арену широких фекальных масс и на их фоне — трагедию отдельного, маленького человека, хама, службиста, стреноженного штанами, без лица, с нехорошим гиканьем выскочившего пред ясны очи отобедавших солдатиков, будто черт из коробки. Да, обвели ребятки этот день в своих биографиях красным карандашом! Помнят, помнят стервецы, сколько лет прошло, а помнят! Помнят даже, что на обед давали интересного. Кисель давали. Плодово-ягодный такой, сладенький, из концентрата.

Понятно, что солдат был признан кругом виноватым. В виде наказания парня отправили дослуживать на Родину. Впрочем, и его осрамившийся начальник по мановению командования тоже вскоре испытал горечь расставания с милою чужбиной.

Командование, видимо, полагало, что Родина — это какое-то специальное место для разгильдяев и неудачников.

ЖАРА И ЖАЖДА

Сын от отца недалеко падает.

Русская пословица

Писать о пьянстве вообще бессмысленно. О пьянстве нужно слушать музыку, курить сигареты и танцевать. О пьянстве нужно жужжать, икать и плакать.

Пьянство — это ежедневный Космос моего народа.

В этом поврежденном Космосе пьянство ужимается пугливым человеческим умом до понятия состояния. Ну, в самом крайнем случае, до состояния общества. Сухой Закон традиционно воспринимается как явление природы. Мистически настроенные люди усматривают в Сухом Законе воздаяние за грехи. Но мы-то с вами знаем, что другого воздаяния, кроме Потопа, не заслуживаем, и разговоры о Сухом Законе в этом смысле смешны. Нельзя, кажется, представить явлений более противоположных по цели, масштабу и качеству. Потоп в решающей мере является Законом, а вот Сухой Закон — величается законом, скорее всего, из-за повального народного равнодушия к точности. В данном случае — к точности названий.

Сухой Закон! Кто не помнит картинок в «Букваре»: телеги, нагруженные трупами, перерезанное горло рабочего, бесконечные очереди вдоль крупнозернистых фотографических улиц, вдребезги разбитые судьбы, неизбежная солдатчина фонарей! Мальчик в матроске выбегает на крыльцо и застаёт мироздание, омраченное остывающим дядей. Дядя выпил невкусного, ядовитого клею, умер, и дело его не живет.

Робкие покупатели, робкие спекулянты. Женщины, стоймостью в стакан, полстакана, рюмку, глоток. Тмин и перец, кориандр и корица — языки раздражаются пряными семенами. А там, за красным штакетником, пыль на пернатых когтистых акациях, и на многоярусных бетонных полатях — трудовые резервы. О, эти дворы, эти адские ингаляции автомобильными выхлопами, рублевое старичье, оральные извращения! Доверительные детские игры вроде полупридушивания, закруживания, кривопадного щекотания, чтобы на миг, на минуту замутиться сорванцу, грянуть с размаху бледным личиком о неумолимую землю. А прохаживающийся между строк надзиратель

делает родителю своевременное замечание, и родитель соглашается, хрюкает, вертит губами, сплевывает на пол перламутровую каучуковую соплю. И она засыхает в луче горячего света, будто китайский дракон на шелковом свитке.

Пролетели те годы, как туча насекомых. И искусанный, опухший, зачуханный, но, в общем, живой народ уже порой снисходительно вспоминает о невыносимом прошлом. Отчего же невыносимом? Вполне выносимом, как выяснилось.

Автору довелось однажды видеть монумент, сооруженный в память о Сухом Законе. Он представляет собой многофигурную композицию. Первая фигура — Мужчина, коленопреклоненный, в классической позе скорби. Он плачет. Слезы стекают по бронзовой груди на каменный пьедестал. Вторая фигура — Женщина, олицетворяющая Совесть и Материнскую Заботу. Она стоит непоколебимо и задумчиво. В ее руке бутылка зеленого стекла, из которой бесконечной струей искрящаяся на солнце жидкость ниспадает в третью фигуру — белоснежный Унитаз. Остальные фигуры символизируют Противоречивые Чувства.

Уже по беглому описанию монумента вы, надеюсь, догадались, что речь идет о фонтане. Все верно. В народе за этим сооружением закрепилось даже романтическое название «Фонтан слез», но, как водится, и это название не точное. Настоящий «Фонтан слез», или Бахчисарайский фонтан, воспетый Пушкиным, находится в Крыму. А данный фонтан автор видел во сне. И уверяет вас, что никакого Крыма там вокруг не простиралось..

Каждый желающий может заснуть и в этом убедиться.

ДЯДЯ КОЛЯ

Коля, колокол накопи на кол.

Коли наколол — околевай около!

*Из сборника «Участь русского человека
в дразилках и подначках»*

Как давно это было! Змеем Васуки Боги, словно мутовкой, сбивали пену Молочного Океана. Боги пахтали Мо-

лочный Океан, Огненный туман, и получилось масло — твердая земля. На этой земле Боги напитались, воплотились и дали начало человеческому роду.

А дядя Коля пользовался всякой подручной палочкой. Он зажимал ее в патроне сверлильного станка. Вместо Молочного Океана в цеху имелась бочка «восемьдесят восемь», что ли, клея. Дядя Коля наковыривал в жестяную банку бурого вонючего киселя, всыпал поваренной соли, подставлял банку под палочку и врубал обороты. Клей волшебным образом расслаивался, на деревянную ось наматывался толстенький каучуковый кокон, и дядя Коля нажимал на кнопку «Стоп». С этой минуты станок его больше не интересовал. А интересовало то, что осталось в банке хорошего, да вода в умывальнике.

Дядя Коля выпускал из крана на волю максимальную струю, зажмуривался, делал выдох и разом осушал баночку. Исполнив эту свою коронную партию, он артистически кланялся, подставляя темя под освежающую водицу, делал шаг вбок, будто танцуя, другой и третий, заключительный — в бездну.

Удивительно было, почему он не расшибает себе башку, не ломает руки-ноги, всякий раз шлепаясь на бетонный пол, будто мокрая тряпка, брошенная в сердцах злою бабой.

Но бабы на самом деле не так уж часто бросают мужиков, даже если эти последние тряпки. И дядю Колю тоже никто особо не бросал. Еще в бытность мужчиной он сам с этими тварями не церемонился. Твари, то есть подруги, дуры, любовно называли дядю Колю «мой миленький», а был он вовсе не миловиден, шершав, кривоног, как говорится, «не на рейсмусе строган». Подруги шептали: «Мой маленький», «Мой глупенький». А разве был дядя Коля когда-нибудь глуп и мал? Одна называла его «Горе мое горькое, Николаша».

— Какой я тебе Николаша!.. Николашку еще в революцию грохнули. Сама ты Николашка, Ни Колашка, Ни Дворашка!

И все в один голос: «мой», «мой» «мой», а был дядя Коля совсем не ихний.

О жизни дяди Коли в период технических и социальных революций написаны были десятки одинаковых кни-

жек про рабочего паренька с наследственной тягой к справедливости и к водке. Во всех этих книжках он, как живой, замирает на пороге решающих событий. И здесь, на этой странице, тоже пока ничего не решается. Можно перевести дух. Покурить, даже чего-нибудь выпить, если полезет. Ждать недолго придется. Засекайте время...

.....
.....
..... — Все.

Как ни удивительно, его последней цикутой оказался обыкновенный одеколон. Напиток легкий, дамский, почти диетический.

Тело пролетария ради интереса вскрыли, и прозекторская наполнилась запахами слегка подгнивших парикмахерских растений. Мозг, покинув привычное логово, мерцал на эмалированном подносе, будто еще не просохший масляный сиреневый сад кисти Ван Гога. Кого-то из девушек стошнило.

— Ничего особенного, дорогие мои. В эпоху Мавзолея, в наши откровенно языческие времена трудящиеся при жизни активно бальзамируют себя чем попало, дабы неосознанно, на уровне магии, поддерживать посмертную химическую сохранность мумии своего великого Вождя. Кстати, уже много лет при нашей кафедре стараниями энтузиастов проводятся семинары по гаруспике, древнелатинской жреческой дисциплине, трактующей о судьбах Отечества по расположению внутренностей жертвенных животных, — успокоил студентов доцент-патологоанатом, по обыкновению всех жизнелюбивых циников умывая руки.

Эта интеллигентская задрочка, в сущности — глупая шутка, повисла в воздухе и там останется не востребованной. Патологоанатом, грамотей, любимец женщин, умелец рассказывать в застолье про страшенькое, носитель эспаньолки на жирном лице, этот златоуст вышел из академического, имени товарища Формалина, анатомического театра, вошел в троллейбус, пробил в компостере талон и упал на пассажирку, юную девушку. Он, тяжеленький, едва не сместил ей шейные позвонки. Но молодой крепкий организм победил. Девушка выжила. Вышла замуж,

родила ребенка, который уже заканчивает экономический вуз и готовится к романтической карьере спекулянта недвижимостью. А доцент умер, никогда не бывавший ему профессором. Надменное сердце его лопнуло, словно розовый воздушный шарик.

Насмешник над тенью или телом Ленина (что по сути одинаково) давно всеми забыт. Ленина, Сталина, а заодно и Хрущева с Брежневым никто не забывает. Подобные фигуры были и будут необходимы в русской истории для того, чтобы поколения слабаков списывали на них за дним числом свои собственные глупости, жестокости и несчастья. За примерами ходить далеко не надо:

«Даже Змея Васуки
коммунисты замучили, суки!..»

БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ

Есть, как известно, гордые народы. Есть народы как народы. И негордые народы тоже есть. Не знаю, к какому народу вы относитесь, но вот я отношусь к негордому народу. Хотя, по крайности, случается, и мы гордимся.

Замечено, что гордые народы любят лошадей. Потому что в паре с лошастью любой народ выглядит гордо. Когда-то, давным-давно, лошадей в России было несметное число. Мой прадед был коннозаводчик. Он разводил рысаков в Тамбовской губернии. Сколько их он там развел, не знаю, только извели всех их, да заодно и многих прочих, в моем Отечестве негордые люди. И вместо лошадей сами развелись. До того дело дошло, что я на коне не умею сидеть. Негде научиться. В Монголии только легонько покатался. И понял: если лошадь захочет, она сыграет со мной любую игру. Лошадь все чувствует.

Она, кстати, сыграет обязательно, ежели учует, что вы представитель слишком гордого народа. Оказывается, крайности возмущают животных.

Однажды приехал в эту самую Монголию младший брат шаха. Не такого, конечно, шаха, какие в сказках

свиристывают. Нет, этот шах был вполне респектабельный. (Что, заметим, ему в конце концов и подгадило. Поменьше бы ему этой респектабельности.) Но какое нам сейчас до него дело? Он, в конце концов, не монгольский шах. О брате его пойдет речь. Вот он как раз являлся образцом чрезвычайно гордого народа. Уж он был и орденосеиц, и генерал, и кавалерист, и красавец, и охотник, и усики носил, и брат у него — настоящий шах. Только вот, к сожалению, не монгольский. Так что брат был в Монголии в гостях, как вы теперь понимаете.

Там он резвился на бескрайних просторах, стрелял в редких животных из коллекционных ружей. Передвигали его монголы, очевидно, на машине, иначе неизбежное еще бы раньше произошло.

Этот чистокровный гордец обратил свое царственное внимание на то, что местные лошади невелики. И стал над ними трунить и издеваться: «Что это, дескать, за лошади!.. Это ослы, а не лошади!.. Вот у нас лошади!.. Да я на такую лошады!.. Да я ее!..» и т. д.

Монгольский народ хоть и вежливый, но тоже гордый. Он обиделся. Его милых, сильных, выносливых лошадок ни за что смешивали с дерьмом. И тут кому-то пришла в голову веселая идея — пусть все-таки Его Высочество на одной из них покатается.

Ясно, что после своих таких слов шахский брат не мог отказаться. Его бы сочили пустозвоном. Для гордого человека это смертельно. А прокатиться? Отчего бы и не прокатиться? Он ездил верхом едва ли не с рождения.

Итак, принц соизволил. Местные функционеры побежали заседывать конька. В небе висел орел, а в норках свистели степные мыши. Коней было много, но выбрали одного.

Когда принц приблизился, конек сразу заартачился, начал отступать боком, глазом косить. Такого надо с ходу обротать, навязать ему свою волю. Так, видно, рассуждал наш кавалерист. Но недолго он был нашим. Как только вскочил в седло — что началось! Конь с неожиданной прытью понесся в степь, и там запрыгал, залягался, завертелся, будто снова одичал. Шахский брат, отдадим ему должное, некоторое время выдерживал все эти конские выходки. Но судьба есть судьба — он все-таки вылетел из

седла, запутался ногою в стремя, повис, поволокся башкою камни считать. И свет погас.

Монголы, когда приблизились, конечно, перепугались. Они почувствовали себя виноватыми. Теперь, — подумали они, — шах на нас войной пойдет. Но шах, хоть и удручился потерей своего гордого брата, войной на них не пошел. Не знал, должно быть, как сквозь четыре страны в Монголию войско провести.

ГРИБОК — НАКАЗАНИЕ БОЖИЕ

Одинокая инженерша ходила в бассейн «Москва». Там, говорят, можно получить заряд бодрости и заодно познакомиться с мужчиной без вредных привычек. Бодрость, верно, хорошо получалась, а вот эти самые безвредные никак не подплывали. Вместо кавалера прицепился в бассейне к женщине кожный грибок. И до того, зараза, проникновенный, просто жуть.

Будь этот грибок ботинком, ему бы сносу не было. Но грибок, оказывается, не обувь, а наказание божие. Откуда это известно?

В очереди к дерматологу разговорилась пловчиха с одной чесоточной. И через эту чесоточную ей открылось, что бассейн «Москва» — купель сатанинская. Он ведь налит в яму из-под взорванного атеистами святого храма Христа Спасителя. Так что никакие врачи, кроме, естественно, церкви, в этом деле не помогут.

Что тут скажешь? Добрела, болезная, кое-как на своих грибках до ближайшей церкви, а там уже знающие люди объяснили ей, как молить Бога об исцелении.

Молиться или плавать — при желании каждый научится.

Ходил иногда в ту же церковь один нестарый вдовец. Было ему одиноко и тоскливо на свете без жены. И вот разговорился он однажды с нашей знакомой и пригласил ее съездить к нему на дачу. Ведь было много чего у него, и новый дачный участок, а жены не было. И поехали они

раз, и другой, и третий, и как-то втянулись. Вот уже одиннадцать лет минуло, и яблоньки подросли, и огород, и картошка своя, и клубника, и как хорошо!

А грибок, что грибок? Есть грибок, нет грибка, какая разница. Подлинное божье наказание — это, к вашему сведению, колорадский жук.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Жили-были Сивухин и Збаравский. Они были ровесниками сорок лет, а потом оказалось, что один из них, Збаравский — совсем еще ребенок.

Збаравский работал лет двадцать на всевозможных заводах. И во все свои годы, очевидно из удачества, принципиально не носил кальсон.

Когда он собирался на свидание с Сивухиным, разразилась хрестоматийная русская снежная буря, и жена умолила его поддеть эти штуки. Втайне от мужа любящая женщина давно приобрела одну нежную, с начесом, пару. Збаравский нехотя покорился. Необычное ощущение нижнего белья настолько взволновало его, что когда он заявился в общежитие, где жил Сивухин, то просто сиял. Но прямого отношения к делу это сияние, увы, не имеет.

Поэтому Сивухин и Збаравский тут же приступили к делу: стали выпивать в честь сорок первой годовщины Сивухина. И так замечательно напились, что Збаравский позабыл о всяких кальсонах, метелях и ощущениях.

Это его и подкосило. Отправился Збаравский в туалет, спустил, по привычке, штаны и нагадил в кальсоны.

Сию историю никак не назовешь поучительной. Нет в ней, по-видимому, и никакого скрытого смысла, так сказать «второго дна». Если, конечно, не считать «вторым дном» те злополучные теплые подштанники.

В этой истории содержится лишь слабая надежда на то, что матерные проклятия и вопли должны утихнуть, любопытные соседи разбредутся по своим закуткам, Збаравский впредь будет осмотрительнее, а Сивухин не станет стирать

кальсоны, которые распсиховавшийся приятель хотел было выбросить в форточку, да Сивухин убедил оставить ему на память. В хозяйстве пригодится — так он выразился.

Ох, не стирал бы ты этих кальсон, Сивухин, а лучше бы женился. Но куда там! Разве послушается!

Вот и неугомонный Збаравский кое-как, по-казацки, подмываясь из рукомойника, сетует собравшимся на то, что во всем виноваты бабы. Вечно становятся, дуры, поперек стихии. А она, стихия, к этому не готова.

Вроде того, что за окном, у Пушкина: «То как зверь она завоет, то заплачет как дитя».

ЧЕЛОВЕК-БЫК

Плиний пишет о некоей знакомой даме, которая родила слона, потому что во время беременности с большим вниманием смотрела на это животное. Другая дама по той же причине родила львенка.

Но и завороженная созерцанием людей звериная самка способна породить человека.

Так, известно, что в городе Казани одна корова родила странное теля с человеческой головою. Оно необыкновенно быстро росло и все больше делалось похожим на юношу. Татары, конечно, пристально следили за развитием этого существа, справедливо полагая, что оно появилось на свет ради какой-то особенной цели.

Действительно: возмужав, обретя внушительный вид и завидное красноречие, существо начало пророчествовать о близком и неизбежном падении города, о гибели всего татарского государства. Возмущенные татары постановили избавиться от коровьего сына и забили его, как забивают быков.

Однако вскоре под стены Казани в самом деле пришло большое русское войско во главе с ихним царем и после долгой осады захватило город. Тогда татары обнаружили, что зарезанный ими человек-бык и русский царь Иван Васильевич Грозный — одно лицо. И от этого у татар на

душе стало еще гаже. Но человек-бык не прибег к мести. Ибо бык не мстит траве. Даже если эта трава стелется совершенно по-человечески.

ЖЕРТВА КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ

Пришел Новый, 1953 год, и деда наконец-то арестовали. Он много лет работал врачом в системе НКВД, чем-то там заведовал, и вот дождался.

Внук, дошкольник, был просто в восторге: посреди ночи огромные ледяные военные пришли и устроили в квартире тарарам. Представляете, весь рис и гречневую крупу в кухне они высыпали прямо на пол!

Деда увели, а домработница Варя сошла с ума. «Ноги моей не будет, — кричит, — всех я вас повыведу на чистую воду, вредители, морды жидовские!» Она хлопнула дверью так, что с этажерки упал бюстик Сталина. Бюстик разбил мальчику голову до крови и сам не выдержал, разбился.

Утром бабушкина сестра отвела кое-как перевязанного мальчика в поликлинику им. Семашко. Врачу она сказала, что на ребенка случайно свалился с полки бюст Пушкина. Бабушкина сестра, пожилой человек, оказывается, не могла отличить, Сталина от Пушкина! Мальчик с удовольствием поправил ее. Взрослые промолчали. Затем врач, насвистывая какой-то маршик, поставил на рану скобки, и все обошлось.

РЕБЕНОК N

Ребенок N очень хотел стать похожим на блатного. Образцом для подражания ему служил соседский Аркаша — дитя, расцветшее в тюрьме для малолеток.

Особенно красиво у Аркаши выходило сплевывание. Так как-то изящно поплевывал, что казалось, будто он не

землю пачкает, а самовыражается. Это бывает: вот соловей поет по своей половой нужде, а людям — радость.

Ребенок N подражал Аркаше очень старательно. Он выучился поплевать с невообразимой частотой. Скажем так: он чаще плевал, чем моргал. Дыхание? Дышал он, конечно, все-таки чаще, но самую малость. Разговаривать ему стало трудно — рот был постоянно занят. Опять же учеба — пришлось бросить школу. А ребенку, который бросил школу, это всем известно из учебников, одна дорога — в уголовный мир.

В этом нелюбезном мире ребенок N получил вскоре за свою привычку плевать настолько мерзкую кликуху, что даже поостыл к любимому занятию. Но дело, как говорится, было сделано, и сейчас его прежнего имени ни одна живая душа не вспомнит. А вот имя Аркаши осталось в памяти людей.

Потому что история сохраняет имена посредственностей. В гуще всякой эпохи наверняка бродили экземпляры поядреней, позаковыристей Цезаря, Чингисхана, Гитлера, наших отечественных пугал. Всегда готовый умничать автор знает, что пес Пират умеет скалить пасть и, говорят, кусается, но где-то, на почтительном расстоянии от этих строк, слоняется безымянный волчара. И вот его пасть убеждает как-то больше.

По слову классика, «в человеке должно быть все прекрасно». Да, но прекраснее всего, по нашему мнению, в человеке должно быть развито воображение. Ведь человек без воображения, куда его девать? Опять в ребенки, что ли, плевки репетировать?

ЖЕНЩИНА В НОЯБРЕ

Где-то около двенадцати мы привычно слиняли с работы и направились в магазин.

Идем себе, идем, а навстречу женщина. Красивая сельская женщина, ну, может, малость подзаезженная. Наверно, доярка — руки ужасные.

— Здравстуйте, хлопцы! Вы студэнты?

— Здравствуйте, студенты, студенты.
— От добрэ, тоди до вас е дило. Магарыч гарантыруеця. Мы як раз кабанчика ризаты збыраемось. Ну и все такэ... — Улыбаеця.

— А какое дело-то?

— Такэ дило, хлопци, дило хорошэ. Трэба, хлопци, дивку охвормить...

— Как это?

— Ну як, як, чи вы нэ знаеэ як? Тю, та вы шо, николы ни з кым цього нэ робылы? Ну, можэ хто-нэбудь? Мэни все одно хто.

— А что за девка?

— Та моя ж дочка!..

— Ой, мамаша, что вы такое говорите! Сколько годов дочке?

— Та симнадцяты! Вона вжэ гожа, дужэ, хлопци, цэ трэба зробыты. Нэ бийтэся, вона хороша, красыва, дэсятыричку з мэдаллю зкинчыла!..

— Да на что это вам, мамаша? Может, нам с вами этим заняться, тем более если под магарыч!..

— Та шо вы, хлопци! Мэни воно вжэ не интересно. А йий трэба цэлку ламаты. Пойнимаеэ, е у нэи свий хлопэць, тутэшний, сусидив сын. Вин йийи любыть, хочэ жоннытыся, а вона йому нэ дае. Кажэ, шо у нього «того уровня» нэма. Якого «уровня»? Дурна!.. Вона вважае, що прынца найдэ. А цей, вин на шохвэра вывчився, пийдэ у армию та и нэ повэрнэтця. И вона вид нас куды-нэбудь уидэ. Уси звидци бигуты! А вы б из нэю трошкы погулялы, вона любыть усякы высокы матэрии, ну и розыбалы б йийи. Мы з батьком все зробымо, и його батькы згодни, поможуть, колы трэба. А уйдэтэ — тоди й нашего, сусидьского, вона до сэбэ пидпустыты! А там и розпышутся, дасть Бог! Зробить цэ дило, хлопци, а вжэ мы вас виддячим...

О, не стоит благодарности. Мы отделались шуткой. Посоветовали обратиться к специалисту-бабнику, здоровенному импозантному Валерику, пассивному педерасту. Он как раз невдали над обмороженным поголовьем сахарной свеклы скорбно возвышался. Побрела, побрела к нему, мать честная!

А мы, придурки, портвейна купили, грелись, про Тарковского рассуждали, курили в небо. За обедом Валерика подначивали, и был он смущен и пунцов.

НЕБЫЛИЦЫ В ЛИЦАХ: САВВА-ИЗБАВИТЕЛЬ И САМОИЗБАВИТЕЛЬНИЦА

Царь Алексей Михайлович Романов, прозванный в народе «Тишайшим», был человеком истово религиозным и в то же время страстным любителем охоты. Не жалея времени, он самолично следил за воспитанием соколов, челиг и кречетов, при его дворе, ко всеобщему удовольствию, неправдоподобно размножились и непрестанно роились охотники ловчего пути в кафтанах, однорядках, ферязях; псаря конные и пешие в кафтанах «инбарского» сукна, «черленых», подложенных крашениною разных цветов при нашивках кружевных с мишурою по девятнадцать алтын с полушкой за кафтан; кречетники в кафтанах из дараги кармазиновой Кизильбашского привоза; сокольники в кафтанах «киндячных», «стамедных», «зенденевых на русаках, по десяти хребтов русачьих, из тафты двоеличной», в телячьих кривых «сапогах большой, средней и малой руки», в поясах из крашенных лосиных кож. И уж конечно, все эти разодетые в пух и прах помытчики, степенные и стадные конюхи, стремянные, псаренные и копытные приказчики, клобучечные мастера при кречатне...

Насилие над животными уживается с христианством за милую душу. В Звенигородском уезде Московской губернии существовал, да и теперь еще по-советски музейненько существует Саввин-Сторожевский монастырь, основанный именем св. Саввы в 1377 г. В одно из своих посещений этой обители Алексей Михайлович отправился на охоту в окрестные леса. Сопровождающие высокое лицо мурmolки, тигиляя и охабни разбрелись кто куда. На совершенно одинокого царя из чащи вышел весьма назидательный медведь. Бежать не было никакой возможности, пришлось уповать на рогатину. Тщетно. Медведь подмял государя, дал напоследок перекреститься и почти уж было начал его есть (или что еще там медведи с царями делают?), как вдруг, откуда ни возьмись, раздался сладкий голос монархиста, поэта Льва Мея:

И медведь захрипел, как удавленный,
И свалился он на бок колодою.
Глянул царь — видит старца маститого,

Ряса инока; взгляд благовестника;
В шуйце крест золотой, а десницею
Опустил он топор окровавленный...

Затем, не проронив ни слова, старец растворился в метафизических дебрях вместе с топором.

Чудом спасенный Алексей Михайлович возвратился в монастырь, чтобы не в последнюю очередь навести справки о личности своего избавителя. Ничего особенно удивительного нет в том, что личность эта оказалась запечатленной на иконе Преподобного Саввы. Царь умилился и всячески благодетельствовал монастырю до конца своих дней.

Четырнадцатое дитя Алексея Михайловича «мегаломальчик» Петр недолюбливал попов и монахов, искренне презирал всякую охоту. Ему, для утоления ловецкого зуда, вполне хватало подручных желтозубых человечков.

В ряду любимых забав Петра Первого значится стоматология. Лишенные воображения голландцы преподнесли молодому русскому царю целый набор соответствующих железных принадлежностей. И с тех пор «бомбардир Михайлов» не отказывал себе в удовольствии поиграть в доктора. Вооружившись щипцами, этот громила бесцеремонно лез в рот зазевавшемуся подданному и с хряском выдирает оттуда что подвернется. В одной из комнат Монплезира был обнаружен впоследствии целый мешок высокой царскою рукою вырванных человеческих зубов. Кабинетный токарь Петра, Нартов, не раз бывал свидетелем того, как царь высыпал из мешка свои трофеи на пол, задумчиво разгребал их носком башмака вширь, стоя посредине, озираясь и, видимо, прикидывал: нельзя ли сим верноподданническим зубным ломом инкрустировать какую ни то полезную поверхность?..

На ломберный столик хватало с большим избытком. Благообразить борта любимой, первой «взятой на шпагу» шведской шнявы «Астрельда» либо паркет в столовой — едва ли. Досадуя, царь повелевал жене и дочкам счетом собирать зубы обратно в мешок, а сам стремглав бросался вон из дому на очередной промысел.

Замечательно, что всеильный ампутатор животов и душ российских брезгал «зубесами недоброхотными», т.е. удаленными без восторженного согласия на то самого ам-

путанта. Так ни за что не захотел принять от известного Меншикова двенадцать бочонков зубов украинских, в славную Полтавскую кампанию светлейшим Александром Данилычем снисканных. Немало времени проводя в трудах пыточных, Петр также не вынес, кажется, ни одного выбитого вражьего зуба из застенка.

Петр Великий умер, как до него умирали Петры обычные. Спустя год простодушный Нартов собрался было удалить некую гнилую отрасль из пасти законной своей супруги. Для чего дерзнул даже воспользоваться заветным, Его Величества, инструментом. Но за долгие годы проточенная лейб-токарем едва ли не до дыр, госпожа Нартова на сей раз оказала сопротивление. Весьма дуплистая, но еще крепкая баба отбила дурную мужнину атаку первой попавшейся под руку его же изделия дубовой балясиной.

— Не те теперь времена!.. — кричала Нартова. И в этом была, как ни крути, большая историческая правда. Эпоха великих реформ подошла к концу, и каждому настоящему радетелю за Отечество оставалось разве что скрипеть уцелевшими в бурях предыдущего царствования зубами да невесомым гусиным пером...

Дочь Петра Первого, Елизавета, взошедшая на престол в результате дворцового переворота 25 ноября 1741 г., утешила Андрея Константиновича Нартова тем, что назначила его руководить Академией наук и художеств, коей он что-то около полутора лет (1742—1743 гг.) и поруководил.

В личной беседе новая самодержица особо благодарила старого знакомца своего за сугубую деликатность описаний зубодерного папенькиного суеручия, вспоминать о коем «невозможно без скорбного вздоха». «Кроткия Елисавет» имела в виду надрукованные еще в 1727 г. А. К. Нартова «Достоверные повествования и речи Петра Великого».

Повторим и раз, и другой, и третий. Повторим, повторим, повторим: наши дети совершенно не обязательно должны разделять наши идеалы. Скажем больше — было бы даже странно, было бы даже страшно, если бы наши дети во всем походили на нас.

Мать говорит сыну: «Хотела купить курицу соученице в больницу. Пошла на Благбаз. Там такое творится! Коровью голову мужик продает прямо с земли. Лежит страшная голова с живыми глазами, смотрит на тебя, а на роге картонка: «Куплю DM». Сатанизм!.. В каждом мусорнике по три старухи ковыряются. Очередь наперла, лоток с копченой скумбрией опрокинулся — так люди кинулись расхватывать, пожилую женщину задавили!.. Прилично одетые все...»

Да ведь все это наперед известно! Отпрянувший от лица земли пьяный с кровавым зачесом; челюстноусый милициант, рассеянно мастурбирующий теплую дубинку; развеселые вшивые цыгане; азербайджанцы, озаренные нежной цитрусовой иллюминацией; тропические польские газированные напитки; германские лакокрасочные ликеры, чумазая картошка, дерзкий соленый огурец, полуприкрытый античным смородиновым листиком, смущенные помидоры...

Инженер Попов со своими разноцветными радиомикробами в спичечных коробках; оптимистический продавец алой нагрудной ленты «Почетный свидетель»; печальная продавщица соковыжималки «Дружба»; раздавленная чьим-то сапогом пачка маргарина на асфальте, кучи старых детских книжек — «Филиппок», «Похождения Артемки в Зимнем дворце», «Гуси-лебеди», «Хрущ и собака»...

— Мамо! Мамо! Скажите, хто кращий: Хрущ чи Собака?

— А обидва хороши!.. Для злодия уночи Хрущ кращий, бо нэ гавкнэ. А для лыття на дэрэви — Собака, бо вкусыты нэ дострыбнэ...

— А хто, мамо, для нас кращий?

— Ой, ты ж моя дытыно недотэпна! За горымы, за морямы, далэко у в Москви, у в спэциальный хрышталэвий скрыни спыть вичным сном вэликан-дидуган, тытанисько-дидуганисько. Вин усим малым и бидным найдорожчий...

Одноногий предлагает осенне-зимнюю коллекцию непарных чунь, какая-то тетеха действительно бойко тор-

гует бесформенными свечками из мешка: «Свеча хозяйственная!.. Некондиция!.. Свеча хозяйственная!.. Некондиция!.. Свеча...» Да ну тебя к черту!.. «Я не буду рыдать, я забуду все, что ты говорил, я верну тебе все, что ты подарил!» — блажит «Звукозапись». Петлица, то есть, пардон, певица Ветлицкая. Вот живой кролик, а вот кролик в одних носках. Вот с христианским смирением вымытые свиные ножки. Пурпурные штуки говяжьей печени. Возложи себе на плечи говяжий пурпур! Пояжи свою шею бычьим цепнем! Вкуси коровьего языка, о Царь Природы!..

— Ну ты, божевильный, чего смеешься? Йды звидци!.. Дама! Дама! А ну мого сала зпробуйтэ!.. Дамочка! Добырайтэ потрошкив! Яка курочка? Оця? Вона на бульон, и на так пойисты... Та дэ вона там страшнэнька? То знаэтэ, дама, у мого чоловика давление пидвыщенэ, то я для нього чорноплодку розводжу. А вона у цьому годи така рясна! Куры йи усю з-пид дэрэв чисто пидибралы. И таки сынэньки поробылыся!.. А ось дывытэся сюды, у жопку, бачтэ, яка вона така... нормальнэнька... Ни? А ось ця?.. Бачтэ, яка цяця!..

Сын вертится вокруг матери, как привидение, как дух, готовый вселиться в любую чушь, в воздух, в овощ, в куриную тушку.

Мать рассматривает фото, где сын подбоченился на фоне какого-то сумрачного дворца. В этом дворце, оказывается, он прожил целый месяц по приглашению владелицы. Интересно, как она выглядит? Почему ее нет ни на одном из снимков? Наверное, эта богачка — какая-нибудь эксцентричная любвеобильная старуха...

— Как ты, моя старенькая?.. — спрашивает сын.

— Как ты, мой маленький?.. — спрашивает мать.

Оба спрашивают не вслух. Так уж положено.

Как и положено, громко, членораздельно будильник произносит свое механическое: ца!..ца!..ца!..ца!..ца!.. Именно этот бравый зануда своим звоном ежеутренне лишал сына счастливого детства.

— В Мавзолее хранится неисправный будильник... — озаряет сына очередная вспышка досужего безумия. Он улыбается.

Мать разглядывает новое фото. Ее сын смущенно-развязно восседает на неких уходящих за край разумения ступенях.

СИМВОЛЫ

Шибай-плотники играли в поддавки семенами тыквы и подсолнуха на клетчатой клеенке в столовой колхоза им. Ленина Великобурлуцкого района Харьковской области. Битые шашки они съедали. Подавалка, Надежда Прокофьевна, ревностно косилась на шибает, она только недавно подмела пол. Но шибай, степенные, трезвые гущулы, неукоснительно культурно сплевывали шелуху в кулак.

Посреди России, в Рязанской области, за Михайловом, не доезжая станции Павелец, там, где в равноценном соседстве существуют населенные пункты Дурное и Грязное, воспитанники очередного детского дома приладились играть в бильярд дикими яблоками и черенком от лопаты. Стол был настоящий, большой, дореволюционный, без ножек и со срезанным сукном. Обнаружили дети его на чердаке спального корпуса. Между прочим, очень даже неплохо получалось. Играли на короточках, втихую, боясь чихнуть, поскольку директор детского дома, Варвара Петровна, постановила считать бильярд несовместимой с человеческим обликом буржуазной заразой.

В поселке Хара-Хорин, слепленном из пыли некогда великого Каракорума, столицы империи Чингисхана, в продуктовом магазине были: голые, без оберток, соевые батончики, арол — национальный сушеный творог в плитках, твердый, как столярный клей, вьетнамская тигровая мазь, черные ватные халаты, бумажные мешки с лапшой и, особняком, величавая консервная банка. Тяжелющая и жутко дорогая.

Когда нынешняя продавщица пришла сюда работать, банка уже была. И прежняя продавщица, и та, которая торговала еще раньше — не ведали, что в ней сокрыто. Прошлой осенью банку чуть было не купил один животновод-передовик. Он младшего сына женил, хотел, видно, перед гостями на свадебном пиру шикануть. Собирался, примеривался, уже и деньги вроде бы из-за пазухи доставал, однако в последний момент все ж передумал. Банка эта не советская, совсем иностранная, судя по цене, в ней наверняка что-то чудесное.

Изучив таинственную банку, я обнаружил на ней за-тертую этикетку с множеством мелких длинных слов латиницей. Пожирнее других было напечатано что-то вроде **Ди Грюне Кугельшрайберштифтпасте, нетто 10 кг.** Насколько я понял, в банке терпеливо ждала своего часа чертова уйма зеленой германской демократической пасты для заправки стержней шариковых авторучек.

После ознакомления с репертуаром магазина монгольские художники Орхон и Энхжаргал подсуетились и задаром получили на госхозном складе целую баранью тушу. Потрясая многочисленными рекомендательными письмами и командировочными удостоверениями, наврали местному партийному дарге (начальнику), что гости, коллеги из СССР — голодают. Для сугубой политической красоты они назвали нас представителями ЦК Союза художников СССР. Эти русские здесь, в Хара-Хорине, для того, чтобы все пристально осмотреть и воплотить затем в формах критического реализма. Можно сказать, что и не художники они вовсе, а настоящие ревизоры.

Про ревизоров уже и читать, и писать надоело. И видеть их неумоготу. Лучше подарить ревизорам барана и спровадить подобру-поздорову.

Орхон и Энхжаргал были счастливы. Они выдурили этого барана в основном «для дома, для семьи», через пару дней мы возвращались в Улан-Батор. В ту осень в Монголии с мясом обстояло как-то хило. В ресторане, в столовке — еще так-сяк, а в магазине — в магазине мы только что побывали.

Если монгола кормить целый год соевыми батончиками и лапшой, он не взбунтуется потому только, что раньше помрет.

В харохоринской гостиничке представителям ЦК предлагалось занять единственный номенклатурный «люкс». Настоящий «люкс»; пара кроватей, пара стульев, полированный стол, на столе — телевизор, графин с тремя стаканами и магический кристалл — массивная стеклянная пепельница.

Мы как раз вымылись в общей душевой, размякли, завалились на койки и принялись глядеть местные теле-новости, когда Орхон зашел в номер и спросил, нельзя ли воспользоваться столом. В их шестикоечном номере стол, оказывается, не был предусмотрен.

Конечно, конечно! О чем разговор! Стол, стул, весь номер к вашим услугам! Что может помешать человеку, когда он вытянулся на своей законной мягкой постели после четырехсоткилометровой тряски в кузове грузовика!

И тут монголы втащили эту свою разлюбезную склизкую тушу, кинули на стол и принялись делить. В Монголии вообще не в ходу рубка мяса топором. Так что, расковыривая и ломая суставы, перерезая сухожилия обычным перочинным ножиком, таща в разные стороны, они этого барана скоренько умело расчленили. Не беда, что между делом художники измазали кровью телеэкран. Круглое личико дикторши от этого нисколько не подурнело. В конце концов у буддистов принято смазывать жиром изваяния божеств. Телевизор, понятно, никакого не божество, но все же что-то такое, ну, как социалистические новости, — лучезарное...

Додумать до отчетливости эту мысль не удалось, потому что в номер нагрянула директорша гостиницы. Она оказалась человеком с большой буквы. Вместо того чтобы возвысить свой голос против недопустимого антисанитарного безобразия — с пол-оборота зарадовалась, засуетилась, убежала, прибежала, короче, стала действовать, как любая степная гостеприимная тетка.

Печки с котлом под рукой не было, добрая женщина мелко нарезала и отварила нам мясца в трех казенных электрических чайниках. Подозреваю, что сделала она это не в знак показного уважения к нам, художничкам, липовым членам ЦК, а в знак неподдельного уважения к баранине.

Первый раз в жизни я ел мясо из пепельницы. Что сказать? Замечательно вкусное было мясо. Пепельница — сверкала. По-царски, будто на хрустале ел. Коллеги ели мясо из стаканов.

Хорошо, ковыряя спичкой в зубах, сознавать себя венцом природы, царем зверей, прогрессивным человечеством. Вот и сейчас перед масляным мысленным взором широко раскинулся не обыкновенный кочевой холостяцкий бардак, а наворочалось что-то причинно-следственное, значимое, черт знает что. Ведь этот стол, сервированный телевизором и разрушенной тушей, не есть ли символический натюр-морт, пища, так сказать, «духовная» и «физическая»?..

Тему никто не поддержал — коллеги сосредоточенно переваривали ужин под трансляцию советского эстрадного концерта.

— У меня в Улан-Баторе русская женщина была. Галя звали. Хорошая женщина. Чуть не женился, — сказал Орхон. Должно быть, музыка воспоминания наваяла.

— А чего ж не женился?

— У нее дети были. И муж. Геолог. В Гоби что-то искал. А она меня любила.

— Ну и как, нашел?

— Что нашел?

— Ну, геолог этот, нашел, что искал?

— Не знаю. Искал, искал, а потом они домой уехали.

Она мне письма еще писала.

— А ты что?

— А я не отвечал. Я женился.

— На своей?

— Ну да. Слушай, эта Вайкуле, она красивая у вас считается?

— Интересная женщина.

— Да. Красивая. На Галю похожа.

— У Орхона была русская. Я сам ее видел, — уважительно заверил Энхжаргал.

Директорша собрала чайники и, одарив баранину нежным прощальным взглядом, удалилась.

Энхжаргал предпочитал Ротару. Ему и Орхону нравилась также Пугачева. Но ее в программе не было.

— У нас говорят, что Пугачева и Ротару поссорились. Никогда вместе не выступают. А что у вас говорят? — спросил Энхжаргал.

— У нас? Не знаю. Может, что и говорят. А у вас кто это говорит?

— Ну так... В народе говорят...

— Что же, это весь монгольский народ волнует?

— Нет. Ну, у кого телевизор есть. Говорят, надо, чтобы помирились.

— Хорошо, вернусь в Москву и скажу им, пусть помиряются.

— Они что, твои знакомые? Нет!.. Ты шутишь!..

— Шучу, конечно...

В полночь в Монголии телевизионные трансляции прекращаются. Но Орхон все глядел и глядел в мертвый

экран, будто спал с открытыми глазами. Экран и Орхон, два богатыря из сказки про спящих красавцев. Наг, хоер, гурав, дурув, тав, зурга, доло, наим, ес, арав. Дальше десяти по-монгольски я считать не умею. Что еще?

Вода — ус. Мясо — мах. Хлеб — талх. Огонь — гал. Путь — зам. Река — гол. Степь — тал. Юрта — гэр. Солнце — нар. Луна — сар. Звезда — од. Мать — эх. Брат — ах. Отец — эцэг. Я — би. Ты — чи. Он — тэр. Небо — тэнгэр. Мир — тайван. Бог — бурхан. День — удур. Ночь — шуну. Жизнь — амьдрал. Смерть — ухэл. Любовь — дурлал. Дурлал!.. Так ее, злодейку, кочевники величают! Мужчины — эрэгтэй. Женщины — эмэгтэй...

Наконец Орхон очнулся, вздохнул и неожиданно наставительно произнес:

— Баран — не символ. Его кушать можно. А телевизор — да, символ. В телевизоре все символ.

— И эта твоя Вайкуле — символ?

— Да. Она же не настоящая. Ее нет.

— Как нет? А где же она?

— В телевизоре.

— Ты что, серьезно?

— Да. Барана в телевизоре смотреть — тоже символ. Но мы его скушаем, вспоминать будем — опять символ получится.

— Ну да? А тебя по телевизору показать — ты символом станешь?

— Конечно.

— Но ты же настоящий!

— Да, настоящий. Я здесь настоящий. Вы меня что, в телевизоре видите?..

Действительно, Орхон был рядом: здоровенный, открыто телесный, и я смотрел в его глаза — твердые, непогрешимые, узко заточенные о плавный, шершавый, степной круговой горизонт.

Когда-то Юнг холодной головой мог оценить все прелести соседства с Юнгфрау¹. Мы издалека теперь следим горящими очами, как равнодушно высоко несет она свое величие в ряду подобных ей красавиц бесподобных.

Мы тяготимся собственной природой в ряду иных природ, в самой Природе. Жизнь коротка, а смерть — неинтересна, и подлинный финал мужчины — в сперме.

Плывет над нами сперма облаков, ревет под нами сперма водопадов, и сперма зацветающих садов окрестных пчел спермолюбивых манит.

И тридцать пять лет минуло с тех пор, как нету с нами Карла-Густава, с улыбкой дававшего ответы на вопрос: «Прилично ли хотеть кого-то трахнуть?» — всегда в том смысле, что вполне прилично. Архетипично. Символично. Лично он сам не прочь, но, чур, не коллективно и бессознательно, ребята дорогие. Я, дескать, представитель старой школы...

Вы поняли, конечно, это — шутка.

Карл-Густав Юнг спит нешутейным сном. Но спит не так, как спят тупые камни, — все эти Маттерхорны и Монбланы, Эльбрусы, Аннапурны, Эвересты.

Вполглаза спит, как врач дежурный спит после обхода всех палат больницы. Неровен час, его разбудит вой тяжелого любого пациента: кому-то снятся мухи на кресте, кому-то — лейб-гвардеец на царице, кому-то просто чистые носки, надетые на вымытые ноги.

Пока мы живы, оставайся с нами, великий чтец в неутолимых душах. Без психоаналитика нельзя ступить и шагу в нашем грешном мире!..

¹ Юнгфрау — горная вершина (4158 м) в Швейцарии, родине К.- Г. Юнга.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМКА

Сейчас в это с трудом верится, но было время, когда простые огурцы страшно ценились. Турецкий султан Магомет II повелел вспороть животы семи придворным, чтобы выяснить, кто из них посмел съесть огурец, присланный ему в подарок из Индии. Виновника обнаружить не удалось. Дальнейшие изыскания султан приостановил по здравом рассуждении: все прочие подозреваемые уже успели от страха наложить в шальвары, подмыться и переодеться в чистое.

А съел огурец мальчик — вошебой, сын постельничего. По роду службы он был допущен в интимные покои. Увидел серебряное блюдо с диковинными плодами и не утерпел. Там их было несколько... Одним больше, одним меньше — кто их станет считать? У великого султана всего в избытке!.. Однако же сосчитали и первым заподозрили папашу...

Давая волю слезам сочувствия, вспоминаю свое детство, впечатление от рассказа Л. Н. Толстого о маленьком мальчике, который без спросу съел сливу из тарелки на обеденном столе. Идут века, меняются страны, но взрослые — несправимы: «Мать сочла сливы». До сих пор содрогаюсь от этого мерзкого «сливосочетания». Мать еще раз «сочла» — сочла необходимым поведать о факте недостачи отцу, который (та же порода!) счел за благо поведать угрюмо молчащему отпрыску, что дело не в сливе (мы хоть и не султаны, но люди не бедные), а в том, что сливу можно, по простоте душевной, проглотить целиком с косточкой, отчего плохие дети прямоком без задержки отправляются на кладбище, в сырую темную могилу со страшными червяками. Эта леденящая душу проповедь прерывается покаянным ревом. Малютка не огорчит своей смертью папá и мамá. Он выбросил косточку за окошко.

Здесь Толстой удовлетворенно смолкает. Хотя с чего бы это? В самый раз напомнить всем нам, что выбрасывать в окно различные твердые предметы — тоже грех. Можно, например, попасть в глаз прохожему — многодетному крестьянину. А что, если этот многодетный крестьянин и так уже одноглаз? В детстве маманьку не слу-

шал, по деревьям лазил и на сучок напоролся... А и сам сучок этот — дело рук другого неслуха, которому батянька строго-настрога велел ветки на деревьях почем зря не обламывать, потому как дерево, что твой человек — оно все чувствует. Чувствует, чувствует! Без всяких шуток.

Воспитание детей — ответственное занятие. «А король-то — голый!» — крикнул смелый андерсеновский мальчишка. Восклицательным знаком оканчивается сказка, но не кончается наша тревога: кто знает, за какой можай загнали родителей этого мелкого прозорливца всевидящие королевские клеветы?..

У китайца спросили: почему он не оплакивает кончину любимого сына? Он ответил: «Когда у меня не было сына, я не горевал. Теперь у меня его снова нет. Почему я должен горевать?» Про китайца — это так, к слову пришлось. Хотя китайцы — самый древний и многочисленный народ на Земле. И чем дальше, тем больше к слову приходится.

СОЛДАТ И ЖЕНЩИНА

Одинокая пенсионерка Тамара Васильевна О., 76 лет, рост 174, вес 92 кг, бывшая завуч средней школы, под влиянием тягостной паузы в работе Центрального телевидения, выбросилась из окна 9-этажного дома № 3, корпус 1, по улице 26 Кирпичных Выемок. Выбросилась всерьез, насовсем зажмурив очи, но упала не на асфальт, а на крытый брезентом грузовик с надписью «ЛЮДИ».

Сразу расставим все точки над «i» (сперва заметив, впрочем, что в какую-то аховую долю секунды сама старуха такую стремительно снижающуюся точку напоминала), так вот: внутри фургона находились не какие-то абстрактные «люди», а вполне конкретные солдатики, каждый из которых годился Тамаре Васильевне минимум во внуки.

Брезент от смерти не защита. Рядовой Равиль М., 1973 г. рождения, скончался на месте в результате перелома шейных позвонков и разрыва спинного мозга. Еще

одному «внучку» старая учительница снесла пяткой поллица и раздробила ключицу. Тамара Васильевна, как это пугающе часто случается с представителями старой школы, отделалась недоумением. Происшествие имело место в судьбоносные дни августа 1991 года. Фургон с бойцами дислоцировался в жилом массиве по дурацкому распоряжению ГКЧП. Чрезвычайщики, эти невольные локомотивы истории, никем всерьез не осуждались. Простим Тамару Васильевну и мы. Ведь в ее случае, по выражению какого-то дворового остряка, «просто наложилось одно на другое». Старушка до сих пор жива и, хотя пребывает в несколько вымышленном состоянии, скрипит и грешит на свою слабую социальную защищенность, как настоящая.

Лиза Мониная, она же Мона Лиза, 23 лет, 179 см, 63 кг, незамужняя натурщица, решила поправить расшатанное стоянием в разных позах молодое здоровье.

Лиза пошла в натурщицы вовсе не из любви к искусству. Не такая уж большая радость демонстрировать разным заслуженным деятелям культуры свой лобок. Конечно, попадались среди них вполне симпатичные, интересно болтливые, а порой и весьма щедрые папашки. Но быть натурщицей для Лизы прежде всего значило то, что ее трудовая книжка хорошо лежит в отделе кадров Комбината по обслуживанию художников Московского художественного фонда. В те времена участковые уполномоченные страшно любили обещать красивым ветреным девушкам засадить их на год-другой за злостное тунеядство. При этом нажимали на слово «засадить» с какой-то даже сквозь галифе заметной суровостью. И вот, чтобы подобные вопросы, грубо говоря, не стояли, разумной девушке нужно было где-то слегка работать и сильно числиться.

Желание героини — закон для автора. Руководство Комбината отправило Лизу поработать месячишко в небольшой старинный город Кнурятин-Заокский, где у Росийского худфонда и по сию пору висит на балансе маленький такой пятиэтажный Домик творчества.

Группа состояла из понаехавших со всей России иллюстраторов детских книжек, все больше дурновато-писклявых, поголовно очкастых, бальзаковского разлива баб. Все они собирали в окрестных лугах снопы васильков и ромашек, а после целомудренно отдрачивали эти лекарст-

венные растения у себя в номерах цветными карандашиками на шершавой бумаге. Обнаженная натура оказалась в элементарном простом. Что за чебуха!..

Лиза без труда понравилась одному материально ответственному лицу. Это лицо, лукаво покряхтывая, ежедневно закрывало ей липовые почасовые наряды на зарплату, пощипывало деву, как гитарку, попутно сетуя на злостную непочтительность собственных великовозрастных внучек. У этого мирного поселянина Лиза выцыганила ключи от чердачной двери и, запершись, загорала в гордом одиночестве на плоской крыше Дома творчества. Это ли не рай? Июль, солнышко, лирически синее небо, клубника с рынка, модный роман братьев Вайнеров «Эра милосердия», по которому еще даже не снят знаменитый телесериал «Место встречи изменить нельзя», а лифчик и трусы рядом валяются, не оставляя на смугляющем теле бледных, морально устойчивых следов!

Да, это рай! Это рай на земле. На родной, между прочим, земле, не где-нибудь, за океаном, где каждый дурак может купить «Плейбой» и пялиться на голых баб хоть за обедом, хоть в автобусе, хоть на профсоюзном собрании.

...Пчела подлетела, ужасающе жужжа. Лиза взвизгнула, вскочила и стала носиться взад-вперед по крыше. В это время мимо Дома творчества проезжал на мотоцикле Валерий Н., 19 лет, местный житель, ефрейтор срочной службы, отпущенный из внутренних войск в краткосрочный отпуск. Сквозь грохот своего «ижака» молодой человек расслышал озорной бабий визг, повернул голову влево и просиял: он никогда в жизни не видел такой невозможной силы сисек.

— Во, блядь! — обрадовался Валерий и тут же на полном ходу врезался башкой в бетонный столб электросети.

Нелепо погибший мотоциклист был сыном еще одного материально ответственного лица — домтворческой кастелянши. Его мать в нашей истории играет маленькую, но ужасно неблагодарную роль толстой женщины, безутешно рыдающей на куче подотчетных простыней, пододеяльников и наволочек.

Другие женщины тоже плакали. Накануне Валерий, с малых лет привыкший отираться возле художников, закрутил роман с представительницей голодающего на передок Поволжья. И эту чувствительную, как все детские ил-

люстраторши, даму гибель молодого человека просто сразила. Она до конца заезда ничего хорошего нарисовать не смогла. Опять же местная Аллочка. Ту от слез даже рвало. Кое-кому с горя померещилось, что она от покойника беременна. О, если бы это было правдой!.. И Лиза ревела. Сперва от страха, что ее растерзают местные. Или посадят, найдут за что, придумают «порнографию, сопряженную с риском для жизни», «преступную бесхалатность»... До суда Линча, инквизиции, даже просто до товарищеского суда дело, по счастью, не дошло. Мона Лиза вернулась в столицу, окончательно расцвела, многократно перепылилась и увяла безо всяких судимостей, угрызений совести, и разной прочей досадной ерунды.

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Лучше быть ведущей женской колонки в газете «Карагандинский пропагандист», чем пронзеводой в Гамбурге. И наоборот.

*«Лиссабонские лесбиянки»
(I, «Правильные позы»)*

Камыш или траву найдет в степи скакун? Кишмиш или халву, седой рахат-лукум или стакан сметан, или один котлет в кафе «Узбекистан» предложат на обед?

В кафе «Узбекистан» у нас сегодня плов. Шумит, бурлит казан, в нем — мясо и морковь. В нем лук, чеснок и жир, зира и барбарис. Съешь рису, пассажир, садись, не матерись!..

Но если у тебя в кармане ни шиша — ложись лежать, как бай, на мат из камыша. Здесь вместо первых блюд в четверг, на первый путь, неспешный, как верблюд, твой поезд подают.

Хорош его маршрут: «Караганда — Мары». В нем люди на пол срут, в нем пыль и комары. И щели в нем под стать загону для овец, и цель его — снискать в песках себе конец.

ДАЧА

Нюрка до войны самая красивая девка в селе была. Только дурная — на всю голову. Ну и не знаю уж, кто ее того... забеременил. Она когда родила, ребеночка отнесла в лес и в муравейник бросила. Чтоб, значит, грех скрыть. Аж так получилось, что соседские старички шли со станции и детский крик услышали. Ну и забрали тое дитя полуживое к себе домой. У них самих-то детей не было. Кой-кто начал, конечно, догадки строить, только старички сказали — с города, наших родственников мальчик, мать его померла от родов, а отец — покрыт мраком неизвестности. Ото ж вырос той мальчик, поехал в город, военным стал, дослужился до полковника. Когда старички уже помирать собрались, написали ему в армию: так, мол, и так, прощай, сынок, а родила тебя тетя Нюра, наша, сельская — ты ее знаешь. Он потом приезжал один раз. Хочу, говорит, посмотреть в глаза своей матери. Только не подходите близко, Анна Евдокимовна, я за себя не ручаюсь!.. Да... А Нюрку Бог мужем крепко наказал. За тем Крохмалем была. Крохмаль, он же как напьется, чи за топор, чи за вилы хватается и бежит Нюрку бить. А Нюрка от него, значит, по соседям прячется. Дня три, бывает, домой не идет... Крохмалья Сашка Хромой убил по пьяному делу. И Сашку самого через год кто-то из наших задушил. Лесник самогонку поставил за то, что ему просо убрать помогли. Лесники с того проса зимой веники вяжут. Пили, пили, а когда мужики лаяться стали — бабы и ушли. День, другой — Сашки нет. Зина и пошла по селу. Туда, сюда — нет нигде. Побегала на поле, а он там уже давно неживой и на шее синие следы. Фельдшер покойный, Николай Прокофьевич, умный человек был. Чуть что случится — пишет заключение: «Умер. Трѐба поховать». Ну и зарыли Сашку без всяких скандалов... Вы Василису Егоровну застали? Она про нашу криницу рассказывала, что когда еще у барыни в усадьбе горничной служила, они сюда каждый день с кучером за шесть верст ездили, бочку воды набирали специально к столу. Когда ее Иван высватал и привез в новый дом прямо возле этой криницы, она такая счастливая была!

Аж сын Егоровны, Гришка — вот доля! Можно сказать, и жизнь и смерть через тую криницу принял. Сел,

пьяный, на край сруба и сидит. Ему соседка, что с вечера воду брала, говорит: «Григорий Иванович! Идите до хаты, вам уже спать пора, вон ваша хата!..» А он: «Отчепись! Я сам знаю, куда мне надо!» Утром пошли люди до криницы, а в ней — Гришка с открытыми глазами лежит. Хоть и глубоко — вода чистая, хорошо видно. Кто тут по-настоящему жили — уже почти никого не пооставалось. Теперь кругом одни дачники.

ГАГАРИН И ХРУЩЕВ

...наши беды и прабеды.
«Русские народные ослицы и оговорки»

Даже если Россию в будущем ждет борьба за престол между Золотаревым, Драматюком и Кашлевым, но, в конце концов, по трупам Дубинина и Лобкова на него взойдет Мопсич — не беда. Был бы царем хорошим. Фамилия — еще не окончательный диагноз.

Вспомним тех же Романовых: отродясь не было в них ничего романского. Двести лет придерживались исключительно прогерманской сексуальной ориентации. Онемечились, можно сказать, до последней капли крови. И этого это, кроме отдельных бешеных мужепесов, не смущало. Может, что другое разное смущало, а это — нет! И то, что вершителем судеб северной столицы в семидесятых годах нашего века снова оказался некий Романов — факт сам по себе не удручающий. Грустно то, что политическим идеалом этого Романова был твердокаменный запор без малейшей надежды на облегчительное послабление.

Конечно, если назвать пса Васькой — вы первые скажете, что так не бывает. Но кто знает, кого и как наречет неотразимое будущее? Кем окажутся наши грядущие тезки и однофамильцы?

В эпоху Александра III обер-прокурором Священного Синода, то есть Его Императорского Величества министерством православия, главным государственным идеологом был Константин Победоносцев. Контролировал все мыслимое. Пользовался доверием государя (в старомодно-

честном, а не в современном, воровайском смысле). И тем не менее: «Победоносцев над Россией простер свиные крыла» (А. Блок. «Возмездие»). Никто из современников Победоносцева, похоже, не любил. Уважать, может, и уважали, воздавали должное полезным для монархии многочисленным его способностям. С почтением почитывали высоко нравственные повести, которые между делом обер-прокурор сочинял и публиковал в сугубо благонамеренных журналах, но вот и я, почти полный его тезка, неукоснительной любви к Победоносцеву в себе не ощущаю. Был и был. Слава богу, мои писульки, спустя столетие, никоим образом не подцензурны этому беззаветному сухарю.

Не все знают о том, что Гагарин был весьма приличным художником-любителем. Из многочисленных своих поездок он привозил удачные пейзажи, остро подмеченные бытовые зарисовки. С особой любовью Гагарин писал портреты друзей — молодых офицеров. Некоторые из этих маленьких гагаринских шедевров «мундирного жанра» можно, пожалуй, поставить в один ряд с работами профессиональных портретистов пятидесятых-шестидесятых годов.

Однажды Хрущов (так, через «О» традиционно писалась эта фамилия на Руси. «Никита Сергеев Хрущов» — должно значиться в дореволюционной метрике нашего незабвенного «кукурузвельта»). Итак, однажды Хрущов пригласил Гагарина к себе домой на обед, и когда тот в назначенный час явился, завел неприятно витиеватую, как бы шутейную речь о том, что ему, заслуженному, но, увы, уже старому хрычу, словно некая звездочка во мраке наступающей ночи, брезжит слабая надежда запечатлеться для нелицеприятного суда потомков столь мастерской и знаменитой рукой...

Нескладно-натужной, ернической своей болтовней Хрущов явно демонстрировал ревнивое раздражение тем, что Гагарин, всеобщий любимец и баловень, дни свои проводящий отнюдь не в делах служебных, но, напротив, в бесконечных официальных и дружественных визитах, охотах, блядках и пирах, сам не удосужился сделать ему, Хрущову, такое естественное и обоюдopриятное предложение.

Гагарин, нисколько наружно не смутясь, распорядился немедленно доставить акварельные краски, кисти, бумагу и уже через какие-нибудь полчаса усадил Хрущова позировать.

Портрет был решительно написан в один сеанс и вроде бы получился. Мадам Хрущова произнесла слово «впечатляет», а дочь порадовала родителя тем, что нарисованный он «вышел как живой». Сам хозяин заявил, что о живописи судить не берется, ибо столько раз уже попадал впросак, но по сравнению с другими, профессионально зализанными портретами этот и побойчей, и сердцу ближе, да и вообще «женщинам виднее». Довольные любовным исходом дела Хрущов с Гагариным обстоятельно отобедали, рюмка за рюмкой уверяя друг друга, что лучше простой водки ничего на свете не изобретено, что за границей хорошо, а дома — лучше, что если дать французу попробовать ложку стерляжьей ухи — он забудет родную маму, что русский мужик — «себе на уме», немец — ходячая деревяшка, что хохлы красиво поют, что у нас неважные дороги, зато какие просторы, что матерого секача с одного выстрела вряд ли завалишь, что молоко не скиснет, если в него пустить плавать речную лягушку, что не все модное хорошо, что «Явление Христа народу» — большая картина, а «Сватовство майора» — маленькая, что два умных человека всегда поймут друг друга с полуслова, что мир состоит в основном из дураков, англичане — спесивы, румыны — жулики и так далее и по тому же кругу. В конце концов уже за полночь совершенно пьяный Хрущов дважды назвал Гагарина Гришей, трижды облобызал и с пожеланием дальнейших творческих успехов преподнес инкрустированное серебром, перламутром и разными слоновыми костями ладное охотничье ружьецо не то сирийской, не то египетской работы.

Уточнить сие уже, видимо, не удастся, потому что и Гагарина и Хрущова давным-давно нет на свете, а ружье, если и цело, наверняка украшает стену в квартире какого-нибудь современного вельможи либо предпринималы, которые человеку с улицы такую роскошную цацу не то что в руках подержать — издали полюбоваться не дадут. Только при наличии санкции прокурора. Под веселый разговор о том, что мы сами не представляем, на кого бочку катим. И это правда. Не представляем.

А вот портрет до сих пор бережно хранится в семье Хрущовых. Небольшое, в восьмую долю листа, изображение многое на своем веку повидавшего старика. Обычная в русских людях смесь легкой настороженности с тяжело-весным простодушием. Высокий лоб, увенчанный светлым

редующим нимбом, неуловимые глазки, выдвигенец-нос, тысячекратно пощажённая опасной бритвой мясистая родинка на верхней губе, рот — фигура умолчания, прочерк, взятый властными щеками в большие скобки, добряк-подбородок, и все это в обрамлении ярких, пышных, крашенных басмой, залихватски-кудрявых бакенбард...

Эти бакенбарды долгие годы не дают покоя представителям старшего поколения.

Память упорно подсказывает им, что физиономия у Хруща во все времена была официально гладко выбрита. Что же получается? Днём перед широкой международной общественностью руководитель великой державы предстаёт в привычном, приличном виде, а вечером в кругу родных и близких гримируется под Пушкина? Для чего? Хоть и был Никита самодуром и охальником, но все же не до такой изумительной степени!.. Нет! Здесь что-то не так!..

Никиту Сергеевича Хрущёва, человека с покореженной фамилией, действительно трудно заподозрить в столь оголтелом пушкинизме. Скажу больше: если бы ему пришла фантазия довериться такому портретисту, каким был космонавт Юрий Гагарин, то, вероятно, ничего комплиментарней ноля, двух точек и нескольких кривых черточек он бы на портрете не обнаружил. Мой рассказ — о совсем других людях.

Князь Григорий Григорьевич Гагарин (1810—1893), дилетант-живописец, водил дружбу с офицерами гвардейских полков, много путешествовал, увлекся на Кавказе этнографией, затем — византийскими древностями, памятниками русского православного искусства, собиранию, описанию и сохранению которых уделил немало сил и личных средств. Его произведения находятся в собраниях множества музеев на пространстве бывшей Российской империи. Желющие поподробнее узнать об этом Гагарине могут прочитать изданную в советское время монографию.

О Хрущове известно прискорбно мало. Ни дат жизни, ни даже имени. Граф. Должно быть, сослуживец и приятель Григория Гагарина-старшего. Один из множества симбирских Хрущовых, богатых помещиков, на зиму выбиравшихся в Белокаменную. Не то дядя, не то двоюродный брат его, отставной гвардии прапорщик Леонтий Хрущов, построил в Москве на Пречистенке весьма импозантный особняк, где сейчас располагается Государственный Литературный Музей всеу нами помянутого Александра Сергеевича.

Давайте представим: некий метафизически трезвый голос внушает Гагарину и Хрущову, что отродья крепостных людей унаследуют и спустя столетие на весь мир прославят их фамилии. Что эта их нынешняя вечеринка будет восприниматься потомками всего лишь как милый казус, бледное предвосхищение встречи двух грядущих триумфаторов. Каково господам аристократам, в своем уютном девятнадцатом веке сидючи, подобную неимоверность вообразить? Это же чокнуться можно!..

Что мы наследуем? Что оставляем в наследство? Громкие титулы? Тихую грусть? Тонкую душу? Толстые щеки? Открытый космос? Запертые двери? Высокие залысины? Низкие истины? Огнестрельные игрушки? Каменные палаты? Или «Сказку о Рыбаке и Рыбке»?

Какой нотариус, какие свидетели подтвердят, что все эти сокровища действительно наши?..

КТО И НИКТО

Кто гоголем, кто демагогом бесстрашно встречает рассвет, кто ежевечерние ноги влачит своей тени вослед, кто блеском ума помрачает бессмысленный солнечный день, кто блин как младенца качает на масляной сковороде, кто водки для храбрости выпил и новые туфли надел, кто выпил и губы не вытер, и ветром в трубе загудел, кто Божию голосу внемлет, кто гордо трясет головой и перхотью сыплет на землю, как вьюгой метет снеговой, кто силою бранного слова, кто деепричастной рукой себя пресекает сурово, тот знает, зачем он такой. А кто-то живет bestолково, как будто есть в дури покой.

Кто бреется ржавою бритвой в суровых декабрьских штормах, кто брови сдвигает над битвой, как шторы в веселых домах, кто шрамы уже не считает на морде бывалой давно и зеркалу предпочитает про Грязного Гарри кино, про грязного Гарика, парня, которых как грязи полно.

Кто скачет блохою по рынку, кто в белой горячке орет, кто, будто плохую картинку, судьбу свою в рамку берет, кто чавкает, кто укоряет гостей за плохой аппетит, сам,

может быть, не понимает, какого он хрена хочет, кто сизмальства тихим отитом малейшего слуха лишен, кто в старости старшим бандитом коллегами провозглашен, тот знает, что плохо и типа того, что ништяк, хорошо. Увы нам, торгующим липой, лажовой ушной лапшой!..

Кто в долгие годы застоя до дули сточил свой кинжал, кто Льва, извините, Толстого за бороду как бы держал; кто черную женщину в белых чулках никогда не имел, кто, папку по имени «Дело» завидев едва, индевел; кто белую женщину в черных чулках в свидениях мял, кто годы в курилках ученых на вольные темы вонял; кто плов из плевков приготовил, кто сам же его и сожрал, кто Льва, извините, Толстого за бороду не удержал, кто верил в конкретные факты, кто верил в абстрактный народ, кто сам перенес два инфаркта, а может, и наоборот: два дюжих инфаркта в халатах, нахально схватив за мослы, бес-трепетно, неаккуратно клиента в момент унесли из все еще теплой постели под скальпель прозектора в морг, чтоб в физике твердого тела никто усомниться не мог...

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ II

...В шапке пьяного безумия выходил навстречу мне дядя с вилами трезубыми, богоравный сатане. Он махал своим оружием, тыкал в грудь мою перстом и познания обнаруживал о покойнике Толстом. Получалось так, что барина, по-простому говоря, клюнул в жопу петел жареный только после Октября...

«Ясная Поляна и другие мемуары»

Останавливаясь в русских селениях, держись в стороне, брат, от вечного между русскими спора про то, кто самый великий русский писатель. Так уж у них повелось, что какой-нибудь классик либо родился, либо провел золотые дни юности, либо владел да профукал, либо попросту воспел в писаниях своих это село. И обязательно сыщется столетняя бабка, помнящая свою бабушку, которая тому писателю мимоезжему в его стакан из своей бадейки колодезной водицы налила, а он выпил, эдак усы чистым

платочком вытер. «Благодарствую, говорит, хороша водица, как же звать-величать тебя, красавица?» А бабка вспыхнула, как маков цвет, бадейку писателю под ноги бросила и бежать! Забилась, как перепелочка, в конопляник и ажно не дышит. А писатель, значит, эдак благородно плечами пожал, усмешается, достает из кармашка книжечку и что-то в нее записывает. Так вот прямо посреди дороги в мокрых панталонах, чтоб мне с места не сойти!

Заполошная смолоду была девка бабка. В супруги Господь назначил ей человека тяжелого, пьющего, так она, от мужа своего, рукосуя, бывалоча, в соседню губерню забегала!.. Изучал, изучал ее помаленьку писатель, а потом возьми да и в рассказ вставь...

А иной раз «в точности там, где вы изволите стоять, его и убили» брякнет словно бы ни с того ни с сего какой-нибудь сутрева душевно ко всему свету расположенный местный сентименталец, смахивающий, впрочем, более на обыкновенного кроманьонца. Промолчи, промолчи, брат, мудрен, дескать, язык ваш и темен, махни неопределенно рукою: не то «была не была», не то «комары проклятые» и отъезжай восвояси. Кромы — откуда пошло название тому племени — городишко в Орловской области, населенный теперь уже довольно пестрым народом. Иное дело — до революции... До революции на Орловщине великий писатель просто кишел. Так что околачиваться там нашему брату вольнослушателю ныне небезопасно.

БОЙЦОВЫЙ ПЕТУХ И ВЕЛИКИЙ ПОЭТ

Те юноши, что клятву дали
Разрушить языки, —
Их имена вы угадали —
Идут увенчаны в венки.
И в дерзко брошенной овчине
Проходишь ты, буен и смел,
Чтобы зажечь костер почина
Земного быта перемен.

Велимир Хлебников. «Ладомир», 1921 г.

Восьмой век до нашей эры. Книга Ле-цзы: Сюаньван, правитель царства Чжоу, призвал Цзи Синцзы для воспи-

тания бойцового петуха. Уже через десять дней потребовал отчета.

— О, повелитель! В нашем деле с наскоку ничего не добьешься. Петух не готов. Он самонадеян, глуп и напыщен...

Снова прошло десять дней. Та же история:

— Пока не готов. Бросается на всех, откликается на любой звук. Запасись терпением, о великий Ван!

Прошло еще десять дней.

— Ну?! Долго ли еще ждать?

— Хороший петух, но еще не готов. Яростно озирается, не знает, куда силу девать.

Досужие дни медленно текут, и терпение властелина не безгранично:

— Надоело! Показывай, как есть!

— Вот... Уже почти готов. Не шелохнется, даже если услышит другого петуха. Спокоен и тверд, будто вырезан из крепчайшего бука. Ни один петух не дерзнет откликнуться на его вызов. Вострепещет и убежит.

Наша эра, двадцатый век.

Быль, байка, пыль истории:

Один из воспалившихся на лице земли красных, не то комбриг, не то комдив, судя по шпорам — кавалерист, некий суммарный товарищ К. попал зимой 1920 года в московское артистическое кафе «Бродячая собака». Там знакомые чекисты показали ему Маяковского.

Распахнув драповое пальто с каракулем и обнажив буржуазную белую манишку, знаменитый поэт убеждал в чем-то сутулого гражданина, одетого в крашенный луковой шелухой нагольный женский тулуп. Гражданин грел руки, облапив заварочный чайник, и пустоглазо, молча кивал головой.

Товарищ К. сызмалу уважал разные стихи, а потому, не теряя времени даром, сразу подсел к Маяковскому и стал с ним энергично знакомиться.

— Мы же выдающие личности, товарищ Маяковский! Видишь орден? Его вчера мне лично вручил Предреввоенсовета товарищ Троцкий. Вот, читай: Наградное удостоверение к ордену Боевого Красного Знамени за номером одиннадцать. Получается, что в республике таких, как я, на сегодняшний момент, всего одиннадцать человек!..

— Подумаешь, одиннадцать! Таких, как я, — вообще один! — с ходу окоротил товарища К. бесконечно наглый певец революции.

— А таких, как я, — вообще нет... — пробормотал сутулый.

— Извини, товарищ, ты-то сам кем будешь?

— Да вы что?! Это же величайший поэт современности, Председатель Земного Шара Велимир Хлебников!.. — Маяковский заживо вмуровывал оторопелого воина в наперед всем известный литературно-исторический анекдот...

— Никогда не читал... Очень приятно... Н-да!.. — товарищ К. почесал темя, огладил кулаком усы и, не найдя лицу своему никакого более значительного применения, ретировался, сокрушенно скрипя и позвякивая.

— А вы прочитайте!.. Прочитайте!.. — горланил вдогонку безжалостный автор «Левого марша».

Потом началось представление. И снова досталось товарищу К. Какая-то полоумная актрерка, сбежав с эстрады, плюхнулась к нему на колени, крича:

...египетские пирамиды
пойдут за нами по пескам
навстречу красному рассвету.
И ты возглавишь их поход,
верхом на Сфинксе восседая!..

В общем, не понравились и представление, и публика. Без сожаления покидая «Бродячую собаку», товарищ К. для себя решил, что заведение, где так легко и безнаказанно бесчестят заслуженных героев, «есть самая натуральная сволочарня», что Маяковский примазывается к революции, а этот убогий, которого «вообще нет», состоит при нем вроде дурачка при царе...

В феврале 1941 года товарищу К. довелось залечивать старые славные раны и новые, совершенно бесславные моральные травмы в Подмосковье, в небольшом, принадлежащем Наркомату Обороне ДOME отдыха, название которому ДОСКККА «Березки» выдумал словно какой-нибудь идиот-заика. Официально аббревиатура расшифровывалась так: «Дом Отдыха Старых Командных Кадров Красной Армии».

Вскоре после Нового года товарищ К. был смещен с поста командующего армией и оставлен в того рода слу-

жебной неопределенности, каковая по горькому опыту последних лет предваряет погибельный арест. Настроение гнусное. Товарищ К. в целях самоисступления часами вышагивает по немногим расчищенным от снега аллеям в парке, но обвалыные снегопады вскоре лишают его возможности совершать моцион. Просьба об участии в пилке и колке дров на хоздворе «просто так, для здоровья» — пугает коменданта. «Вам не положено». Сидеть сычом в своей комнатухе — сойдешь с ума. Что остается? Шашки-шахматы? Библиотека? В домотдыховской библиотеке хорошо: настольные лампы с зелеными абажурами, тихо, книги выстроены в правильные ряды. Товарищ К. пробует забыться чтением, роется в стеллажах. Как много написали Толстой, Тургенев, Чехов! Целые ящики сочинений! Левей Чехова — пятитомное «Собрание произведений Велимира Хлебникова», Л., 1928—1933. Вот тебе и раз!..

— Представляете! Надыбал тут у вас сочинения одного старого знакомого! Еще с гражданской... Хлебников. Не читали?

— Не читали... — равнодушно отзывается библиотекарьша, самая натуральная снулая рыба.

— Ну как же! Величающий поэт!

— Очень рада за вас. Здесь читать будете?

— Так точно.

Товарищ К. обстоятельно усаживается, раскрывает наугад один из томиков и тотчас погружается с головой в трясину отчаянно досадной белиберды, в какую-то прыжную словесную влоту. Не пошло. Пролистал. Попробовал с другого места — глухо. Что они там, в издательстве, себе думают? Может быть, нужно начать с предисловия?

Более всего поразило то, что Председателем Земного Шара Хлебников провозгласил себя сам и никто ему даже в 1941 году в этом не перечит. Неизвестно откуда и куда промелькнула мысль о Сталине. Навелась мгновенная резкость. Сделалось ярко, светло и больно. Сделался инфаркт миокарда. Товарищ К. упал лицом на одиннадцатую страницу первого тома и захрипел. Ветераны гражданской войны, побросав свои газеты и журналы, подхватили павшего и отволокли в санчасть.

От чтения стихов товарищ К., разумеется, не умер. Это было бы во всех отношениях грубой натяжкой. Но и в

армию не вернулся — угодил по инвалидности в глубочайший, даже энкавэдэшникам не интересный, запас. Худо-бедно пережил войну, двух жен, пятерых вождей, а заодно и почти всех своих сверстников. На склоне лет, без посторонней помощи, написал риторико-революционные мемуары, опубликовать которые, впрочем, не удалось. А жалы! Временами они забавны. Знаменательны описки вроде «наградного кармана» и «нагрудного удостоверения», карикатурно коряв Маяковский из описания памятной встречи с ним:

«Владимир Владимирович наклонился в мое ухо и взволнованным шепотом произнес: „Задумываю сочинить поэму о Ленине. Вы, как один из самых первых героев-орденоносцев, должны по достоинству оценить идею. Стихов-то уже написано множество, а настоящей, гениальной поэмы — нет“. Я горячо поддержал начинание живого классика <...> Театральная постановка нам обоим не понравилась...».

О Хлебникове в мемуарах тоже кое-что имеется: «Этот Хлебников — считается великий писатель. Тем более что я ему, можно сказать, жизнью обязан. Но только в каком смысле? Разве что в резко отрицательном. Его стихи совершенно не понятны для чтения. Это какие-то китайские головоломки. О таких в народе говорят: „Сам черт ногу сломит!“»

А никто и не требует, чтобы ноги у черта оставались в целости. Никто не требует, чтобы великого поэта читали. Вот и Маяковского никто уже давно не читает. Подумаешь!..

Я жду не дождусь пришествия поэта, слыша которого содрогнутся не читатели, но попятится в страхе, забьется в темный угол курятника сама наша до икоты искудахтавшаяся родная русская речь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, дитя мое, усни. Сладкий сон к себе мани. В няньки я тебе взяла ветер, солнце и орла. Ветер дует в два крыла и баюкает орла. И у солнца на руках ветер спит незнамо как.

В незнамени, в нигде дремлет лодка на воде, весла свесила за борт — без работы, без забот.

Где-то в Библии еще, без пращи, но под плащом, очень маленький на вид, спит усталый царь Давид. А за ним в былых годах спит убитый Голиаф, а за ним в огромной мгле дремлет Ной на корабле.

За огромом, за дождем скорбный скот погрузки ждет, воссияла как алтарь в тыще слез любая тварь! А в верховьях райских рек самый первый человек с головой совсем пустой спит под яблоней густой.

Спи, дитя мое, Адам!.. Никому тебя не дам. Слушай мамку, не греши, ровно носиком дыши...

НОМАДЫ

Недавно образованные украинцы вновь полюбили свою историю за то, что согласно ей украинский народ произошел как бы аж от скифов. Наиболее высоко привставшие на стременах украинские историки прямо заявляют, что эти самые неуловимые и, следовательно, непобедимые скифы — есть натуральные украинцы, только древние. Так-то от, вельмышановный панэ Гэродот!

Существует еще одно, тоже весьма кривоное мнение, что гунны и их незабвенный вождь Аттила, сокрушители Великого Рима, то булы князь Гатыло и його хлопци, тобто украинська киннота. С этим не поспоришь. Спорить (как и воевать) с кочевниками бесполезно.

Приходилось слышать, что мучимый жаждой бедуин в Аравийской пустыне бестрепетно взрезает верному коню шейную жилу, пьет кровь и резво скачет дальше, врачуя доброго скакуна одним лишь молодецким гиканьем. Скакуну, надо полагать, хоть бы хны. Воистину Аллах одарил арабскую лошадь неисчислимыми добродетелями. Но что нам арабы, эти смуглые преследователи ослепительных миражей!..

Вот украинские кочевники: божьи запорожцы с неугасимыми своими люльками, вот дети Гуляй-Поля, чертова-

тые махновцы с бутылью самогона и пулеметом на легкой тачанке, вот вечная Катерина, мать с маленьким сыном, они бредут через почти поголовно истребленный страшным азиатским зноем Благовещенский базар.

Харьков, август, будни, три часа дня. Чудом еще не закрылись одна-две палатки с разноцветным анилиновым пойлом, расплывчатого вида шоколадками, презервативами и астрологическими прогнозами.

— Мамо, мамо, я пыты хочу. Мамо, у мэнэ всё в роти посохло. Слыны нэма. Мама, у мэнэ вжэ язык порэпався.

Мать слушает, слушает, вздыхает, останавливается, скидывает с плеч бог знает чем набитые переметные сумки-клубаки и совершенно спокойно предлагает:

— А ну, видкрый рота. Я туды тоби поплюю.

О Господи! Какие простые, ясные, дикие слова! Какой бальзам на мою тоскующую, здешнюю, пораженную безысходной оседлостью душу!

«ТОТ СВЕТ»

Мое новое хобби —
пребывать в материнской утробе.

(«Реинкарнация филателиста Филатова»)

Я был влюблен в Ларису Балалайкину, девочку с фарсовой фамилией. В пятом классе оказалось, что моя любовь не вырастет, останется лилипуткой на всю жизнь. А я, значит, вырасту и размеры нас разлучат. Мы решили покончить с собой. Прыгнуть с самого красивого городского моста в речку Харьков и разбиться об дно. Речка эта и так не весьма полноводна — каждую осень ее и вовсе в какие-то шлюзы спускают, по дну можно гулять в резиновых сапогах, если, конечно, делать больше нечего.

Сейчас нам наверняка духу бы не хватило. А тогда, помню, подарил я соседу по парте кляссер с самыми ценными своими марками: надоело, говорю, собирать, собирай дальше ты, если хочешь... Он от счастья даже заикаться начал. Может быть, до сих пор еще заикается, радуется жизни... А мы с Ларисой после уроков сочинили

предсмертные записки, она вместо «прощайте» — «прощайте» написала. Так и оставили... Пришли на мост, посадил я свою малышку на перила, сам кое-как перевалился, ее за руку дернул — и все дела.

Ваших читателей интересует, как выглядит тот свет? Здесь все как в Харькове моего детства, даже очереди на, сорок пятый раз все еще смешную, «Бриллиантовую руку». Лариса недавно ушла от меня к другому самоубийце-автолюбителю. Получается, что я зря столько лет валандался среди мертвых. Знакомые уверяют меня, что лучший выход — родиться снова. Где-нибудь в Америке или Германии. Представляете: я — Зигфрид. Бью Ларису плеткой и кричу: «Вырастай! Вырастай, маленькая негодница!..» И она вырастает, не в силах послушаться. Ее величина оптимальна. Она ни черта не понимает по-русски. Зовут ее не Лариса, а Гудрун. Ее прапрадед — матерый эсэсовец, прапрабабка — фашистская подстилка, только не наша, а патентованная, немецкая. Их руки по локти в крови. Без того, чтобы не запятнать своих седин, они не могут даже выпить чашки желудевого кофе. Гудрун расстраивается, если ей об этом напоминают. «Уж лучше бы я маялась лилипуткой в Харькове, чем это!» — причитает Гудрун, когда я раскладываю ее, чтобы в очередной раз отодрать.

— Ничего не поделаешь, милочка, быть немцем — ответственное времяпрепровождение!..

В детстве на каждом углу можно было прочесть лозунг: «ХОЧЕШЬ ЖИТЬ — ЖИВИ В СССР!» Справедливость расхожих истин познается через годы вынужденной разлуки с ними. Считается, что «лучше жить в Валуях, чем умереть на Гавайях». Существой между Валуями и Гавайями нормальное, не метафизическое, сообщение — можно было бы жить и там и там, безо всяких идиотских взаимоисключений. Наши кладбища зарастают крапивой двудомной. Эта злока никогда не станет выбирать между бытием и его словесным эрзацем. Спросите ее: на каком свете лучше — она даже не поймет, о чем идет разговор...

Посвящается моей жене

РАССКАЗЫ О ТОЛСТОМ

ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ КНИГА

— Если у меня нездоров желудок, — сказал он, — так мне во время прогулки всюду попадают на дороге собачьи экскременты, так что даже гулять мешают, а если, наоборот, я здоров, так я вижу облака, лес, красивые места.

*В. Булгаков «Л. Н. Толстой в последний год жизни».
Дневник секретаря Л. Н. Толстого.
Москва, ГИХЛ, 1960. Стр. 122.*

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ КАК ПОП-ЗВЕЗДА

Ни у кого из русских не было такой доброй, убедительной, великой славы, какая выпала на долю Толстого. При этом он вел себя так восхитительно произвольно, как никакой нынешней знаменитости не снилось.

Он сапожничал, сидя под портретом Шопенгауэра. Возвращаясь с покоса в свой кабинет, вешал косу на вешалку из оленьих рогов. Если было холодно — заправлял бороду под воротник пальто. Называл музыку Чайковского «Жуков табак», обожал дурацкую песенку «Конфета моя леденистая полюбила меня, молодца раменистого», любой пище предпочитал овсяную размазню и всякого, кто желал с ним познакомиться, приветствовал словами:

— Ну, скажите мне, пожалуйста, на что я вам нужен?..

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО ХАРАКТЕР (быль)

Как-то раз во время чаепития в кругу родных и близких Льву Николаевичу стало невыразимо скучно. Ему захотелось сейчас же, ни минуты не мешкая, выпрыгнуть в окно. Там, за окном, приветливо шелестел вершинами пре-

лестный летний райский сад, а здесь, за столом, — ничего хорошего, кроме пирожных. Да и те уже заканчивались.

Толстой вытер губы салфеткой, встал из-за стола, подошел к распахнутому окну, забрался на подоконник и спрыгнул. Никто не надеялся увидеть его живым после падения из окна второго этажа. Но Лев Николаевич не разбился. Пролежав в забытьи почти сутки, очнулся, вскочил на резвы ноженьки и выбежал в сад как ни в чем не бывало. Шел ему всего-навсего девятый год от роду. В ту пору Толстой был еще крайне неразборчив в способах утешения собственных прихотей. Да и впоследствии он оставался человеком весьма и весьма своенравным.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО БРОВИ (быль)

Хотите знать, откуда взялись знаменитые толстовские брови?

Лев Николаевич очень рано испытал смутное влечение к опасной бритве, мылу и помазку. Эта небезболезненная страсть была следствием другой, зардевшейся краской сладкого стыда еще на ранней заре его детства. Маленького Левушку Толстого завораживало созерцание мужских и женских усиков, юношеских пушков, щегольских бачков, молодецких бакенбард, бескрайнего моря бород, бороденок, бородок... Даже самый невнимательный читатель найдет в его позднейших сочинениях тысячи тому свидетельств. Характерно, что бритость какого-либо литературного героя всегда отмечена и осознана Толстым как важная, чреватая негативными смыслами характеристика.

Сцены бритья и стрижки повергали ребенка в состояние неизъяснимо томного, опустошающего экстаза. Он сбрасывал себе брови, воображая, что это — сразу две пары настоящих, взрослых усов...

Древние египтяне брили брови для того, чтобы обезобразить себя в знак траура. По окончании очередного цирюльного радения будущий автор «Отца Сергия» неделями избегал солнечного света, вида зеркал и общества девочек.

Раз от раза его брови отрастали все более густыми и жесткими клоками. Откуда взялись знаменитые толстовские глаза, нос и уши, вы узнаете в другой раз.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ СНОВИДЕНИЯ

Одна особа женского, вернее, даже девического пола увидела во сне доселе ей неведомого молодого человека. Опершись на лафет полевой пушки, молодой человек в мундире артиллериста задумчиво глядел куда-то вдаль, за ним простирались подернутые романтической дымкой гребни высоких гор. Некрасивое свежее, еще безбородое лицо молодого человека грязнили жидкие, темно-русые усики. В руке он держал недоеденный кусок арбуза. Молодой человек сплюнул семечко, нахмурился и исчез...

Едва придя в себя, сновидица поспешила заглянуть в сонник, и что же? **АРТИЛЛЕРИЯ** предвещала опасность, **АРТИЛЛЕРИСТ** — мимолетную ласку, **АРБУЗ** — беременность. Стоит ли удивляться, что к утреннему чаю дева вышла сама не своя?!

Стоит ли удивляться, что, возвращаясь с Кавказа в Москву проездом через Воронеж, молодой артиллерист граф Лев Николаевич Толстой на балу у местного предводителя, с мазурки перейдя на галоп, сделался орудием небольшого, но совершенно убойного калибра в распоряжении командирши-судьбы?!

Самому Толстому видеть во сне арбузы не подобало. Зато ему часто снились олады с луком. Брезгая заглядывать в бабьи сонники, Лев Николаевич до конца своих дней наивно полагал, что снится ему простая и здоровая крестьянская пища. На самом деле видеть во сне олады с луком означает, что вас оговорят. Так оно, между прочим, и было. И до сих пор еще на Толстого возводятся тысячи самых невероятных напраслин.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И СОБАЧИЙ ЛИШАЙ (диктант)

На Кавказе у Толстого был Булька, настоящий мордаш. У Бульки случился лишай. Этот лишай перешел на Толстого. Толстой не знал, как лечить лишай, а дядя Ероща — знал.

— Экой ты, брат, паршивой!.. Слышь-ка! Ты эти свои парши не чеши! Поищи кишмишу — поспрошай у станишников. Коли сышшешь — потри парши кишмишом!..

Толстой потер кишмишом лишай, и лишай прошел.

Так же хорош кишмиш и при кошачьем лишае.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ БАНЯ

Целебные свойства русской бани были известны Льву Николаевичу не понаслышке. Так однажды, находясь в действующей армии, Толстой несчастливо играл в карты с малознакомым гусарским ротмистром и заразился от него конским сапом.

Следуя совету батарейного командира, Лев Николаевич приказал соорудить для себя походную баню из фашинника, чехольного брезента и десятка чугунных ядер, после чего хорошенько выпарился, вооружившись для вящей дезинфекции шестидюймового калибра артиллерийским банником. И сап отступил.

Посредством бани Лев Николаевич также успешно лечился от болей в пояснице, витилиго, воспаления среднего уха, гипертрофии предстательной железы, горечи во рту, грудной жабы, крапивницы, насморка, потливости ног, разлития желчи, рожи, склероза, судорог и ячменя.

В бане задуманы Толстым следующие произведения: «Баба и курица», «Война и мир», «Два гусара», «Дурной воздух», «Жилетка», «Куда девается вода из моря?», «Лед, вода и пар», «Липунюшка», «От скорости сила», «Удача», «Ягоды». Все они учат добру.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И УКРАИНСКАЯ КУХНЯ

Толстой считал Шевченко талантливым, но озлобленным и ограниченным человеком. Шевченко также уничижительно отзывался о Толстом. Для него он был прежде всего — пан. Тарас Григорьевич, как выразитель подлинно народных чаяний, добрых панов презирал, а злых ненавидел.

В общем друг друга классики стоили: при встрече Шевченко норовил ухватить Толстого за бороду, а тот его — за усы. До крови, впрочем, ни разу не доходило. Хозяева тех домов, куда еще ради забавы приглашаются литераторы, знают слова, способные тотчас остановить любую, самую отчаянную писательскую рукопашную. Эти волшебные слова: «КУШАТЬ ПОДАНО».

За одним из таких обедов Лев Николаевич, рассчитывая наконец привести Тараса Григорьевича в миролюбивое расположение духа, стал под видом воспоминаний о недавней Крымской войне рассказывать про удивительные кулинарные таланты украинского народа, в частности о совершенно незабываемых голубцах, которых ему довелось отведать по пути следования в Севастополь, на почтовой станции около местечка Балаклея Харьковской губернии.

Умело чередуя жевательные и сопереживательные движения лицевых мышц, присутствовавшие за столом высокородные дамы и господа искоса поглядывали на крестьянского поэта-бунтаря, этакое нахохлившегося малоросса или малорослого хохла — кому как, по мере собственной спеси, видней было.

Мрачно выслушав Толстого, Тарас Григорьевич заявил, что, по его понятию, ни полукацапская Харьковская губерния, ни уж тем более казенные почтовые станции к настоящей украинской гениальности отношения не имеют. Что величие украинского гения сказалось, прежде всего, в изобретении вареников с вишнями, но не только и не столько вареников...

И тут Шевченко затянул такую протяжную песнь во славу приготовления и истребления пампушек, галушек, гречаников, шкварок и ряженок, что, казалось, конца и края ей не будет, как нету конца-краю широкой украин-

ской степи; и лилась эта песня размеренно-плавно, словно прохладная густая сметана в огнедышашее море борща, посреди которого, будто стрела в кровавой сердечной ране, торчит здоровенная казацкая ложка, и редкие птицы, сумевшие долететь до середины Днепра при тихой погоде, садятся на черенок той ложки, покауда Днепр ревет и стонет, чтобы, переждав лихое ненастье, держать перелет в блаженный край, где нет морозов, голода и рабства...

Съестное и сверхъестественное прихотливо перемешалось в несколько нетрезвом и небеслезном шевченковском речитативе. Толстой проникся его диковатым размашистым ладом. Чтобы лучше понять душу братского славянского народа, Лев Николаевич решил во что бы то не стало научиться готовить какое-нибудь типически украинское блюдо.

По возвращении в Ясную Поляну писатель тотчас заперся на кухне и несколько часов кряду лепил вареники. Как и все, что выходило из рук Толстого, вареники эти получились далекими от заурядности.

Из воспетого Кобзарем головокружительного разнообразия яств жирнее прочих отпечаталось в памяти, конечно же, легендарное украинское сало. С присущей только ему одному силой художественного обобщения Толстой салом вареники и начинил. Вкус этого украинского блюда озадачил Льва Николаевича. Его попросту вывернуло. С тех пор при слове «сало» по телу Толстого всегда пробегала холодная дрожь.

...Мало кто так мало
Любил в России сало... —

спустя годы напишет о нем поэт.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И НЕГОНИМЫЕ ГЛИСТЫ

В пору первого, озаряюще-радостного увлечения буддизмом Толстой запретил давать глистогонный декохт собственному первенцу.

Был Льву Николаевичу вещий сон, бездоказательный, как цыганское гадание: в одном из мелких сыновьих гли-стенышей воплотилась нераскаянная душа Самозванца, в другом — то, что можно назвать душою Василия Шуйско-го. Легко себе представить, какая у них там, в недрах не-винного младенца, шла грызня!..

Лев Николаевич призвал представителей всех заинте-ресованных сторон к ненасилию, смирению и братской любви. Мальчик вырос бледным, сосредоточенным исклю-чительно на собственных внутренних проблемах, то есть, попросту говоря, эгоистом; Софья Андреевна потеряла счет огорчениям и радостям в череде бесконечных беременно-стей и деторождений; Лев Николаевич праздновал свои ду-ховные именины, а Самозванец с Шуйским как-то сами собою снова канули во тьму политического небытия.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И «МОЛЧАЩАЯ ТРУБКА»

В наши дни диффенбахию можно увидеть в горшках на подоконниках во многих городских квартирах, а раньше она была в диковинку.

Диффенбахия в Ясной Поляне появилась после очеред-ного гостевания Ивана Александровича Гончарова. Он якобы раздобыл ее специально для Софьи Андреевны во время плавания на фрегате «Паллада» в одном из портов Южной Америки. Принимая экзотический подарок, рас-троганная графиня все пыталась вспомнить содержание гончаровской книжки: достигала «Паллада» американ-ских берегов или нет? Но так и не вспомнила.

На самом деле это неважно. Гончаров приобрел диффен-бахию за рубль пятьдесят копеек серебром в Москве у од-ного престарелого немца-аптекаря. Этот сам уже весьма по-рошкообразный старикан умилил Гончарова сообщением о том, что диффенбахию, которая действительно родом из Южной Америки, тамошние жители называют «молчащей трубкой». Сок ее листьев и веток вызывает паралич языка,

затрудняет жевание и нормальную речь. Благодаря этому полезному свойству диффенбахия весьма популярна у южноамериканских мужей. Угломнить самую языкастую и злоречивую супругу для них не составляет ни малейшего труда. Вот и аптекарю, с недавних пор вдовцу, диффенбахия отменно скрашивала долгую семейную жизнь.

Оставшись наедине с Львом Николаевичем, Иван Александрович все ему, конечно, открыл как на духу. Толстой затравленно огляделся и крепко пожал ему руку.

Утром следующего дня Лев Николаевич приступил к написанию давно задуманного «Не могу молчать». И Софья Андреевна писала. Ключнице, повару, дворнику, горничным девушкам, буфетчику, Левочкиному камердинеру, самому Левочке...

Лев Николаевич Толстой провозгласил правду главным героем своего творчества. Софье Андреевне Толстой правда явно была не нужна и даже вредна. Если порой ее язык кое-как ворочался, она всем рассказывала о том, какой Гончаров галант и душка.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Чтобы исполнилось желание, отопри замок, переступи порог и опять запири, — кто не знает этого древнего магического способа все устроить по-своему?..

Софья Андреевна отомкнула кладовую, вошла и заперла дверь на ключ. Она загадала сущую мелочь: пусть Левочка перестанет дуться и заговорит. Накануне Софья Андреевна завела речь о чепце и переднике для очередной кормилицы. Прежнюю графиня рассчитала за пьянство. Теперь эта низкая женщина бродила под окнами господского дома и сильным голосом умоляла позволить ей служить хотя бы на псарне. Пропившая не только хозяйские передник и чепец, но даже собственную нижнюю юбку, она была готова ради прощения выкармливать своим молоком барских гончих и борзых щенков, как это бывало с опальными крепостными кормилицами в совсем еще недавние времена.

Льва Николаевича все это ужасно раздражало и сердило. Он кричал, что ему до смерти надоели бесконечные разговоры про тряпки, что дом превратился в какой-то отвратительный турецкий сераль с вечно плачущими детьми и невыносимо пошлыми бабьими дрязгами, что ему в этом доме нечем дышать и негде спрятаться, что он каждое утро просыпается с мыслью о побеге, а потому даже на копейный чепец он из принципа денег не даст. Софья Андреевна в самозабвении обозвала мужа жадиной. И вот теперь он казнил ее ледяным инквизиторским молчанием.

...Продлевая казнь, Лев Николаевич беззвучно вынырнул из мрака, проскользнул мимо остолбеневшей жены, отпер, вышел вон и запер за собой дверь. В компании повидл, варений и наливов Софья Андреевна провела, увы, не самую сладкую ночь в своей жизни.

Вновь увидев свет божий, графиня узнала о том, что «граф спозаранку уехавши на кумыс, а про то, когда их обратно ждать, сказывали, что вовремя вернуться...»

Что Лев Николаевич делал в кладовой, какое желание загадывал — Софья Андреевна об этом так никогда и не догадалась.

Известный своей отходчивостью, окрепший и посвежевший Толстой спустя два месяца возвратился в Ясную Поляну. Кумыс явно пошел ему на пользу. При встрече с супругой первыми его словами были: «Ах, Сонечка, друг мой? Как ты?! Как дети?.. Я так порою скучал без вас!..»

И тут Софья Андреевна поняла, что, если запастись терпением и не падать духом, любое желание рано или поздно сбудется.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И АНГИНА

Если Толстой болел ангиной — это доставляло его супруге массу неприятностей.

Дело в том, что, следуя завету предков, Лев Николаевич лечил ангину соком сырой тертой свеклы. Закончив полоскание горла, писатель любил выпустить немного сока

из уголка рта, а иногда, ежели находился в приподнятом расположении духа, заливал всю бороду багряной юшкой.

— Это, Сонечка, необходимо мне для освежения памяти. Я, видишь ли, собирался описать одно сражение — и на тебе: напрочь забыл, как выглядят павшие.

Увлечшись Лев Николаевич расхаживал в таком виде по всему дому с небольшим зеркальцем в руке, со всех сторон пристально изучал свое чрезвычайно выразительное лицо, пугал детей и восхищал прислугу.

Только собаки никак не реагировали на эту его «кровь». Недовольно отфыркиваясь под струей умывальника, Толстой вспоминал о легендарном Апеллесе, художнике, который однажды изобразил виноград настолько достоверно, что даже птицы слетелись клевать его картину. Правда ли это? Или всего лишь очередной древнегреческий миф?..

— Сфера деятельности искусства ограничена человеческим обществом, — с грустью констатировал Лев Николаевич, а Софья Андреевна в это время уверяла плачущих малюток, что папа на самом деле не раненый, а больной.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОНЧАРОВ

В историю русской литературы Иван Александрович Гончаров вошел как непревзойденный мастер дарить Толстому разные нелепые подарки. Зная о том, что Лев Николаевич с некоторых пор бросил пить, курить, есть мясо и противиться злу насилием, при каждом удобном случае подносил ему: то дюжину бутылок настоящей португальской мадеры, то ящик благоуханных манильских сигар, то пневматическую английскую мясорубку, то трехаршинный плантаторский арапник с рукоятью из берцовой невольничьей кости, испещренной проклятиями и с полуфунтовой свинчаткою на конце.

— Ну для чего мне все эти отвратительные вещи?! И где вы их только берете?! Неужели все еще со времен «Паллады»?.. Вот уж воистину неиссякаемый кладезь!..

Опять мадера. Дорогое, вредное зелье, от него туманится разум и скудеет воля, вы бы ее лучше Достоевскому подарили!.. — бормотал, бывало, Лев Николаевич, глядя в горящие безбожным огнем золотые глаза Гончарова и норовя поскорей спрятать подарки в платяной шкаф. — Давайте вместо этой сивухи я вас настоящей крестьянской тюрькой побалую

— Благодарю покорно, Лев Николаевич! От этой вашей тюрьки меня в лучшем случае вспучит, а то и пронесет. Ладно уж. В следующий раз подарю вам что-нибудь более душеспасительное. Например, гусли.

В очередной свой визит Гончаров преподнес Софье Андреевне настоящие фиджийские серьги, до того роскошные, что их впору было носить не в ушах, а на коромысле; Льву Николаевичу достался скромный мешочек с тыквенными семенами. Толстой даже несколько сник...

— Как вы могли подумать, Лев Николаевич! Тыква!.. Я, Гончаров, дарю Толстому тыкву!.. Вы что, меня за хохла принимаете?! Это семена индокитайского соусного кабачка! Знаете, какой он интересный вырастает?!.

Лев Николаевич не знал, а чтобы узнать, дождался весны, прорастил семена в ящичке и в конце мая, как раз на Сидора-огуречника, высадил в саду.

Кабачок выгнал огромные изумрудные плети, обвил ствол ближайшей елки, вскарабкался на нее и расцвел сотнями белоснежных цветов. Набожные крестились. Посредине лета, в самый сенокос, елка стояла будто наряженная к Рождеству.

Появление плодов вызвало у обитателей Ясной Поляны противоречивые чувства. Гувернантка детей Толстого мисс Ханна Тарсей всякий раз, проходя мимо ели, потупляла взор и прибавляла шагу. Хотя уж ей-то, казалось, чего растений стесняться? Ее папа служил садовником в Виндзорском дворце!

Первый парень на деревне Еремей Репейников забавлял девок рассуждениями о том, что, дескать, дал маху, когда срубил в графской роще березку на оглоблю. Следовало бы пустить на это дело один из господских огурцов. «Стоит еловина, на ней — елдовина» — этой загадки в Ясной Поляне не смог бы отгадать разве что грудной младенец.

Лев Николаевич не казал из дому носу. Сочинял рассказ для народа с красноречивым названием «Выпустил огонь — не поймаешь». Рассказ не получался. Писателя раздражало и злило ежедневное хамское хихиканье под окнами. Малодушествуя, Толстой призвал на помощь кучера Антипа. Ночью, тайком ото всех, они спилили ель и раскорчевали грядку. Непристойные кабачки вместе с листьями, усами и лианами были беспощадно изрублены, вывезены на скотный двор и стравлены свиньям.

Обнаружив на месте своего повседневного увеселения голый пенёк, повздыхав и поохав, крестьяне хмуρο разбрелись по своим делам. Мужики — в лес, драть господское лыко, бабы — на поле, окучивать господский картофель. Дети отправились воровать господский горох. Воровать господский картофель им предстояло не ранее Корнилья дня, то есть 26 сентября. Св. Корнилий — небесный покровитель картошки, морковки, репы, а также разных прочих корневых и клубневых овощей. Подобно тому, как Иван Александрович Гончаров является крестным отцом всех российских обломов, обрывов и обыкновенных историй.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И МЕТЕОРИЗМ

Слухи о том, что Лев Николаевич страдал метеоризмом, сильно преувеличены. Метеоризму, этому модному в кругах вегетарианцев поветрию, Толстой воздавал должное — не более того.

Брал по пяти частей семени укропа и сушеного цвета ромашки, по три части травы душицы и тминного семени, столовую ложку их смеси заваривал стаканом кипятка, охлаждал и пил дважды на день. От этого снадобья его метеоры приобретали запах укропа, ромашки, душицы и тмина.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ТУПАЯ КРАСАВИЦА

Однажды Толстой с Гончаровым прогуливались пешком по Моховой, где у Гончарова в доме № 3 была квартира. Как вдруг видит Лев Николаевич: некий серый господин ведет под руку яркую, замечательно красивую даму. И эта дама вонзает во встречаемых мужчин братоубийственные взоры.

— Иван Александрович, дорогой, кто это такая?..

— Ну как же! Известная баронесса С. Существо прямо феерическое. Барон при ней неотлучно. Его женушка норовит броситься на шею первому встречному. Однажды ее застучали с будочником. Это болезнь

— Но красота телесных форм всегда совпадает с понятием о здоровой силе, о деятельной жизненной энергии, — неожиданно для самого себя как по-писаному отчеканил Толстой.

— Глупая красота — не красота. Вглядишься в тупую красавицу, всмотришься глубоко в каждую черту лица, в улыбку, взгляд — красота превратится в поразительное безобразие, — возразил Гончаров и сам удивился, как это у него тоже гладко выговорилось.

С какой обдуманной готовностью, с каким спокойным изяществом умели судить о женских прелестях великие русские писатели! Не с такою ли готовностью, не с таким ли изяществом иные господа раскрывают не рты, но зонтики, даже если дождик явно брезгает на них пролиться и наверняка обойдет стороной?..

Ни Гончаров ни Толстой баронессу С. никогда больше не видели. Заботливый супруг увез ее на лечение в Германию, где местные светочи вправили бедняжке мозги, но она их не вынесла и, влекомая тяжестью никчемного рассудка, бросилась в Рейн возле города Кобленца.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ВЕЛИКАЯ ПОЛЬЗА

Геморрой — настоящий бич писателей, в особенности романистов. Чем разветвленней, сложней, запутанней фабула, чем длиннее, толще роман, тем геморрой запущеннее, дичей, забористей. Это вам всякий проктолог скажет.

Толстой ужасно мучился, когда писал «Войну и мир». В раздражении ранил героев на дуэлях, отрывал им ядрами ноги, жег Москву — ничего не помогало. Пока, наконец, в середине четвертой части не додумался испробовать старинное народное средство — посидеть в лохани с коровой мочой. И что вы думаете? Полегчало, отлегло, как по волшебству рассосалось!.. Впору новую эпопею затевать.

Лев Николаевич тут же, буквально «не вставая с места», решил, что неплохо было бы написать роман «Воскресение». Противопоставить миру мелких собственников простую деревенскую корову, которая всеми своими частями, даже испражнениями, приносит человеку великую пользу. А человек просто так, ни за что, полюбить корову не может и бескорыстно заботиться о ней не станет. И оттого, что человек таков, нет у него между грехами ни малейшего просвета.

Замысел этот Лев Николаевич отложил на будущее и воплотил отчасти. Нужно было с «Анной Карениной» как-то сперва разобраться.

Но не успела Анна выскользнуть из тесного корсета в широкие объятия Вронского, а Толстой уже с новой остротой почувствовал, что без коровы плохи его дела.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И АННА КАРЕНИНА

От напряженной умственной деятельности у Толстого часто случались приливы к голове. Лучшее народное средство от этой хвори — капустные листья. Их писатель прикладывал к вискам, лбу и затылку, подвязывал бечевкой и так ходил.

Однажды, размышляя о конечной цели супружеской верности, Лев Николаевич особенно сильно умаял разум, привычно увенчался капустой, вышел подышать свежим воздухом и незаметно сомлел, прилег и заснул под раскидистой яснополянской липой. Приснилась Москва, в Москве — известное заведение, в заведении — падшие женщины, которые детородными своими частями терлись о его лоб. От этой странной, явно не народной терапии боль тем не менее прошла, неприличные дамочки заволоклись каким-то счастливо-золотистым туманом, и Лев Николаевич проснулся. Над ним, склонив маленькую кареглазую голову, стояла молодая кобыла Пчелка, неизвестно кем и для чего выпущенная из денника. Капустный лист исчезал в ее белых, широких, как рояльные клавиши, зубах.

С той поры, завидев Пчелку, Толстой внутренне вспыхивал, ярился духом и мыслил вразброд. У него начинал чесаться лоб. В таком состоянии не то что роман о супружеской верности — простенького «Филиппка» не напишешь. О том, что Пчелку следует продать, Софья Андреевна услышала от Льва Николаевича в самый неподходящий момент, мягко говоря — в постели. «Это мужское дело, Левочка, тебе и решать!» — сокрушенно вздохнув, ответствовала Софья Андреевна, и, слава Богу, перевернулась на другой бок. Спроси она: «Зачем?» — великий мастер слова вряд ли смог бы ей что-то объяснить... Кобылку продали в Тулу, в хорошие руки, прогрессивно мыслящему инженеру-путейцу. В тот же день, испугавшись паровозного гудка, Пчелка понесла и расшибла инженера насмерть.

Узнав об этом, Толстой загоревал. Его мутнодушие стало жизни стороннему человеку. Было так стыдно, что впору самому под паровоз броситься!.. Но этого христианину никак нельзя. Надобно жить и делать из жизни серьезные выводы. Лев Николаевич взял себя в руки. На рельсы возложил жертвенную свою заместительницу — многогрешную Анну Аркадьевну Каренину. Злодейку Пчелку вывел на скачки под именем Фру-Фру, сломал ей спину и пристрелил. Фамилия погибшего инженера была, между прочим, Бронский. Считается, что толстовский реализм насквозь морален. Да, морален. Но не насквозь.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ГЛАДИОЛУС

Как-то осенью при выкопке гладиолусов оказалось, что сорт Дон Кихот не дал ни одной детки. Чтобы спасти его от вырождения, весной Лев Николаевич разрезал клубнелуковицы на три части (на каждой был глазок) и высадил в грунт.

Все деленки проросли, дали высокие замещающие клубнелуковицы и много детки. Толстой был счастлив. Он сиял, как Санчо Панса, который справедливо полагал, что его сеньор более чем кто либо из смертных заслуживает жизни вечной.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И СВИНЬЯ В МЕШКЕ

Лев Николаевич неоднократно упрекал художника Репина в излишней всеядности. В конце концов Репину это надоело, он решил взять пример с Толстого и стать вегетарианцем. Лев Николаевич тут же произвел Илью Ефимовича в лучшие друзья. Автор картины «Не ждали» стал каждый день ходить к Толстому в гости, чтобы есть с ним за компанию овсяный кисель.

Во время этих постных посиделок Репин наслаждал Толстого разными отрицательными историями про мясо. Отец и дед художника были прасолами, скупали по селам скот и продавали гуртами в город на бойни. Предки Толстого были графами, торговали в основном крепостными. Поэтому Лев Николаевич хорошо разбирался в людях и знал им цену. А Репин больше по яловой части. Спроси иного классика, что такое булдышка или, к примеру, коstreц — он, пожалуй, и не ответит. То ли дело Репин! Разбуди его среди ночи — в момент на холсте целого быка изобразит и прямо по нему все досконально распишет: зарез, огузок, ссек, чельшка, завиток, подбедерок, толстый филей, тонкий край, ростбиф, вырезка, пашинка, мозги, язык, сердце, почки, ливер, рубец, хвост для супа... Рас-

сказывает Илья Ефимович про то, как на ярмарке в Люботине цыган съел на спор неосвежеванную коровью голову, а Лев Николаевич ахает, переживает:

— Как же это может быть? И череп съел?

— И череп съел. Порубил топором и съел.

— А зубы выплюнул?

— И зубы съел.

— Все до одного?

— Все до одного.

— И рога съел?

— Нет, рога не съел. Комолая была корова... Съел цыган голову и говорит: самое вкусное в корове — это глаза. Я коровьих глаз могу ведро сожрать, если чем-нибудь запивать дадут. Такой, понимаете ли, народный тип...

Не стоит думать, что, кроме говядины, у Репина с Толстым не находилось тем для разговора. Порою речь заходила и о свинине. В Чугуеве, откуда Репин родом, человеческая жизнь измеряется длиной съеденной колбасы. Смалец есть альфа и омега всей тамошней стряпни, его разве что вместо сахара в чай не кладут. О ниспослании избыточного сала сладкоголосые хохлушки суесловно молят Господа. Хохлы с одинаковой страстью лелеют собственных свиней и вожделяют соседских. И всякий знает как, в случае чего, можно без лишнего шума умыкнуть чужую свинью.

— Свинья — существо разумное. Она не воображает, подобно начитавшейся романов барышне, что похититель отвезет ее в церковь и там с нею тайно обвенчается вопреки воле родителей. Свинья знает, что ее должен зарезать хозяин и это произойдет под Рождество. Свинья умрет — Христос народится. Все честь по чести. «Если вы меня хоть пальцем тронете, я буду кричать!» — визгливо заявляет свинья при виде чужака, и уж будьте уверены: она сдержит обещание. Поэтому толковый, осмотрительный вор сходу натягивает свинье на рыло мешок с мукой. Свинья, конечно, пытается что-то выразить в звуке, но сыпучая масса забивает ей пасть, бедная толстушка сучит ножками и скоренько погибает от такого нечаянного злоупотребления мучным...

— То есть этим палаческим способом вор похищает у ближнего не свинью, а свинину!.. — перебил Репина Толстой. — Воровать вообще дурно, а уж воровать убоину —

дурней дурного!.. Прав был Гоголь: дрянь и тряпка стал всякий человек! И эту дрянь, и эту тряпку очеловечить вновь способна одна лишь великая сила братской любви. А что бывает, если свинокрада поймают?

И тут Репин поведал Толстому такое, что автор «Трех смертей» затрясся как осиновый лист, облился киселем, схватился за голову и давешний рассказ про цыганское ведро коровьих глаз показался ему совсем не страшным.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ (диктант)

Толстой и Тургенев были очень дружны. Казалось, их дружбе не будет конца. Но вот как-то раз в доверительной беседе Тургенев заметил Толстому, что он, Толстой, напоминает фигурой крестьянскую деревянную ложку. На что Толстой в той же доверительной беседе заметил Тургеневу, что он, Тургенев, напоминает фигурой студень с хреном.

Добрых семнадцать лет Толстой с Тургеневым усердно дулись друг на друга. Потом они помирились. Но прежней доверительности в их отношениях уже не было.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И БЕГОНИЯ БИСМАРКА

Музыку модного немецкого композитора Вагнера Толстой терпеть не мог по причине ее пошлой, надувной грандиозности. Слухи об этом дошли до Вагнера, и тот, чтобы как-то скрасить невыгодное о себе впечатление, прислал Льву Николаевичу небольшую аккуратную посылочку и письмо на русском (!) языке:

«Дорогой Лео, Мой отдаленный славянский Брат!

Держаю написать Вам по-русски в Знак Уважения к тому, что Вы этот Язык прославили во всем Мире, где только

возможно. Спешу развеять Ваши Отзывы обо Мне как о горделивом Сверхчеловеке. Я такой же, как и Вы, не чуждый ничего земляного.

С Удовольствием зная о Вашем симпатичном Увлечении Цветоводничеством, спешу посылать Вам Нашу Национальную Гордость — Бегонию Бисмарка. Она исправно растет у Меня более десяти Лет, Я размножаю Ее вегетативно. На Черенки использую Побегу двух-трех летней Старости. (Побеги прилагаются в Ящик.) Часть Стебля с одним Междоузлем срезаю под самым Узлом, нижний Лист с Черешком удаляю, а верховный на Половину укорачиваю. Черенки помещаю во влажный Песок, промытый водным Раствором марганцовокислого Калия. Лучше Они употребляются с нижним Подогревом при Температуре 20—22 Градуса С, тогда уже через две-три Недели Они трогаются в Рост. Вскоре рассаживаю Черенки в Грунт.

Листья, срезанные с Черенков, Я не пренебрегаю. Удалив Черешок, в нескольких Местах надрезаю Жилки, как при Размножении Бегонии Рекс, и кладу на Песок. Места Разрезов присыпаю Песком. Через две-три Недели появляются первые Листочки. После Месяца с Половиной рассаживаю в Грунт молодые Растения.

Вы, дорогой Лео, можете пробовать размножать и Кусочками Листьев со срединной Жилкой. Обязательно сообщите Мне о Результатах Ваших уважаемых Размножений.

Всесторонне готовый к Услугам, почитающий Вас на Языке Оригинала Цветоводник Рихард Вагнер».

Вообще говоря, Толстой не жаловал подхалимов, однако порою бывал охоч до расточаемой ими лести. (Так, многие из нас, избегая общества пчел, готовы трескаться мед суровыми черпаками.)

Но Вагнер-то, Вагнер! Хорош!.. Ясно, что подрядил для составления письма знающего ботаника, что заплатил переводчику, что срисовал русские буквы собственной рукой... Но как это трогательно и забавно у него получилось!..

Увлекающийся и вселенски отзывчивый Лев Николаевич прорастил бегонию Бисмарка в русской почве, почти простил Вагнеру его музыкальное фанфаронство и даже написал несколько черновиков благодарственного письма по-немецки, как вдруг разразилась франко-прусская вой-

на. Полчища Железного Канцлера вторглись в Эльзас. Узнав об этом из утренних газет, Лев Николаевич босой, простоволосый выбежал в сад и принялся отплясывать яростный, дикий гопак посреди куртины еще вчера так нежно пестуемых бегоний.

— Шайзе!.. Шайзе!.. Шайзе!.. — далеко разносило равнодушное деревенское эхо. Казалось, лает большая собака. Мелкие яснополянские шавки заливисто вторили зычному голосу барина.

Тем временем Софья Андреевна распорядилась подать к столу валерьяновых капель на двенадцать персон и ровным голосом объясняла гостям:

— Это ничего. Это скоро пройдет. Мой папа, врач, называл это сумерками сознания. Иногда с нами такое случается. Левочка, видите ли, выступает против войны...

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО ЛЮБИМЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Общеизвестно, что Толстой называл Шекспира площадным краснобаем. Сам он старался писать пьесы «противные принятым представлениям».

Свой первый опыт в драматургии, пьесу «Заразное семейство» Лев Николаевич показал А. Н. Островскому, которого, в отличие от Шекспира, почитал за гения.

Александр Николаевич нашел пьесу «отменно дурной», назвал ее «безобразием» и умолял Льва Николаевича заняться чем-нибудь более соразмерным его способностям. Вскоре Толстой приступил к работе над романом «Война и мир»...

Прошли годы, и вот в записке, автором которой является император Александр III, читаем:

«Надо бы положить конец этому безобразию Л. Толстого. Он чисто нигилист и безбожник. Недурно было бы запретить теперь продажу его драмы „Власть тьмы“. Довольно он успел продать этой мерзости и распространить ее в народе».

«Дурно» и «недурно» — любимые выражения самого Толстого. Царская записка адресована министру внутренних дел Дурново.

Русские люди — известные оценщики. Не от того ли так угрюма, так безобразно бедна радостью жизнь русских писателей, жизнь русских царей, жизнь русских жандармов, жизнь русских...

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И СИЛА ПИЩИКОВ

За долгую свою жизнь Толстой чего только не перепробовал. Даже уринотерапию. Уринотерапия, если кто не знает, это учение, призывающее пожилых господ употреблять в лечебных целях мочу, испражняемую молодыми и сильными простолюдинами.

У Льва Николаевича в «уриньерах» состоял некий Сила Пищиков, смышленный, расторопный ярославец, поначалу искавший в Москве место полового. Под влиянием общения с Толстым пределы его мечтаний значительно расширились.

В свободное от мочеиспускания время Сила стал приторговывать вразнос на улицах копеечными изданиями произведений Льва Николаевича Толстого. Книжечки он брал без спросу в сарае хамовнического дома. Там этого добра было навалено «ажник до самого венца». Конюх Антип спал на кипах брошюр под названием «Ходите в свете, пока есть свет» и с удовольствием сворачивал из них самокрутки.

На то и слуги, чтобы у господ по мелочи подтыривать. Однако ловкий малый вскоре до того удачно расторговался, что открыл собственную книжную торговлю под характерною вывеской: «Сила Пищиков и прочая писущая братия». При этом не заважничал и, ежели когда Льву Николаевичу нужда бывала в лечебной ссанине, присылал ражих, примерной трезвости молодцов, которых при себе в услужении да на подхвате держивал иной раз и до полтора десятка лбов. Но Лев Николаевич к моче постепенно охладел. С ним часто такое бывало. Увлечется, поиграет и

бросит. Он ведь даже, был случай, построил на паях с соседом невдали Ясной Поляны настоящий винокуренный завод! И что вы думаете? Три года всего этот завод просуществовал, принес большие убытки и был разобран на кирпич. Лев Николаевич Толстой справедливо считается первым на Руси винокуром, которого столь доходное занятие едва не разорило. А вот Силу Пищикова — того ничто, кажется, разорить не могло. «Ежели мне жрать будет нечего, я вшей наловлю, посажу в коробочку, снесу в аптеку и продам. Из вшей, сказывают, аптекари порошки для чихоточных толкут. А там, даст Бог, снова поднимемся!..» В этих словах — весь Сила...

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И СОВЕТ РЕБЕНКА

Было время, когда кишечник Толстого совершенно по-детски проказил и бузил. Роль умиленных свидетелей его забав отводилась, естественно, домашним.

— Идет Урчун-рычун, ужо будет всем карачун! — шутиливо пугала Софья Андреевна детей, предваряя выход Льва Николаевича к вечернему чаю. Дети, все — от мала до велика, тотчас лезли под стол и там, затаив дыхание, чутким слухом ловили приближение долгожданных громовых раскатов...

Как-то раз в доме Толстых гостила дочь художника Репина. Вместо того чтобы прятаться, отважная девчурка вскочила на стул и при появлении Льва Николаевича задорно выпалила:

— Урчун-рычун, не рычи, лучше выпей стаканчик мочи!..

Казалось бы! Несмышленное дитя, что оно может знать о чудодейственной силе уринотерапии! И тем не менее, тем не менее...

Лев Николаевич примирительно буркнул нутром, судорожно, по-цыгански передернул плечами, развернулся и, не проронив более ни звука, вновь удалился на свои олимпийские антресоли.

После этого случая достославная толстовская шумоватость пошла на убыль. Уже через месяц привыкшая называть вещи не своими именами Софья Андреевна, за чаем как последнюю новость сообщала гостям, что ее Левочка наконец-то нашел способ, как побороть свое животное начало. Удивительно, до чего простой. Проще, наверное, уже и быть не может. Главное, господа, поверить в целительные силы природы. Ведь все мы — ее дети...

И гости с одинаковым умиленно-сочувственным выражением на лицах согласно кивали и наперебой восхищались небывалой свежестью яснополянского воздуха и тем, какая чудесная здесь теперь по вечерам тишина.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ, ПИЯВКИ И ЧЕРВЯКИ

С некоторых пор Толстой обходил пиявок и червей десятой дорогой. Не то чтобы он их бояться начал. Он своих мыслей о них стал стесняться.

Однажды ради забавы Лев Николаевич отправился на пару с Гончаровым удить окуней, и что-то у них никак не клевалось. Тяготясь бездельем, Толстой принялся вынимать червей из банки, вертеть их в руках и всесторонне изучать. А Гончаров поневоле стал разглядывать Толстого, как тот устроен.

Прошло часа два. Иван Александрович уже маленько изнывать начал. Подумал он, а может, даже особо и не подумал, похмыкал, откашлялся и говорит:

— Знаете, Лев Николаевич, есть одно весьма полезное и оригинальное применение этим самым червякам. Между прочим — народное средство...

Толстой прислушался. Все народное влекло и пленило его:

— Что же за средство?

— А очень простое. Береге обыкновенную болотную пиявочку, либо выползка, либо вот эдакого молодчика, названного червячка, сушите на противне в печи, а после растираете пестиком в ступке с маслом речной лилии. Тем,

что получилось, мажете собственный хер, и он от этого сказочно увеличивается...

— И вы, верно, это притирание на себе испробовали?.. — глухо отозвался Толстой после довольно долгой, опасливой паузы.

— Разумеется! И очень даже удовлетворен результатом. Не верите? Вот, полюбуйтесть!..

И Лев Николаевич поверил. Да и как не поверить, если тебе под нос тычут такое исполинское бревно, что, кажется, взбеги на него и мигом, как по мосту, перемахнешь на противоположный берег, чтобы скрыть свое смущение в сумраке вечеряющих рощ, в лугах и полях забитой и темной Отчизны...

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И «АРАБСКИЙ КАББАЛИСТ»

Софья Андреевна Толстая родилась в семье Андрея Евстафьевича Берса, врача московской дворцовой конторы. Однако порой казалось, что отцом ее был не гоф-медик, а какой-нибудь придворный звездочет. Софья Андреевна обожала всяческие предсказания, сама бойко гадала равно о судьбах мира и о совершенных пустяках. При этом она почему-то не верила в барометр.

Любимым гаданием графини Толстой был «Арабский каббалист». Чтобы узнать ответ на интересующий вас вопрос, нужно записать его, из написанного выбрать согласные буквы и расставить над ними числа, соответствующие буквам «Арабского каббалиста»:

Б,В — 1; Г,К,Х — 2; Д — 3; Ж,З — 4; Л — 5; М — 6; Н — 7; П — 8; Р — 9; С,Ц — 10; Т,Ф — 11; Ч,Ш,Щ — 12.

Найдите их сумму и разделите на 7. Число полученного остатка определит ответ.

Ответы: 1. Да. 2. Нет. 3. Да. 4. Нет. 5. Да. 6. Нет. 7,0. Да. Например:

Лев Николаевич Толстой — гений? Да.

$5+1+7+2+5+1+12+11+5+10+11+2+7=80.$

80 : 7=11 и 3 в остатке, то есть «да».

Кучер Антип — гений? Нет.

$2+12+9+7+11+8+2+7=58$.

58 : 7=8 и 2 в остатке, то есть «нет».

Как узнать, любимы ли вы? Очень просто. Сложите числовые значения имен и фамилий обоих лиц, прибавьте число 7 (любовь) и разделите на 7.

Лев Толстой + Софья Берс + Любовь = $5+1+11+5+10+11+10+11+1+9+10+7=91$.

91 : 7=13, в остатке 0, да. Дал.. Чистая, идеальная любовь без остатка! «Арабский каббаллист», как видите, гадание и приятное, и полезное. Помогает составить определенное мнение по всем насущным вопросам.

Возьмем избитое выражение: «Бедность — не порок». Вы тоже так считаете? Софья Андреевна так не считала:

Бедность — порок? Да.

$1+3+7+10+11+8+9+2=50$.

50 : 7=7 и 1 в остатке, то есть «да».

Графиня и мужу об этом постоянно твердила, а он злился: «Деньги!.. Деньги!.. Кругом одни деньги!.. Все зло от денег!.. Вот пуцу вас по миру, а сам уйду куда глаза глядят...» Страшные такие слова говорил. А ведь это — грех. В самом деле:

Пугать жену — грех? Да.

$8+2+11+4+7+2+9+2=45$.

45 : 7=6 и 3 в остатке, то есть «да».

А деньги?

Все ли зло от денег? Нет.

$1+10+5+4+5+11+3+7+2=48$.

48 : 7=6 и 6 в остатке, то есть «нет».

Все зло в нас самих? Дал.. Абсолютно точно!..

$1+10+4+5+5+1+7+10+10+6+2=56$.

56 : 7=8 и 0 в остатке.

Не станем более утомлять читателя этой, по выражению Толстого, «кухарочьей магией». Следуя ей, приходилось верить в то, что Достоевский — не гений, пить водку — полезно, Гончарова не стоит опасаться, а у Антона Павловича Чехова будут дети. Софья Андреевна, повторим, была дочерью врача, этот Чехов, из плебеев, но симпатичный, тоже был по образованию медиком, говорят, да-

же одно время успешно практиковал, как писателя Левочка его ужасно ценил, почти вровень с собою ставил. Как бы хотелось, чтобы у Чехова родилась красавица дочь и он назвал ее Соней!.. Просто так, без всякой связи... Но тут то ли в «Арабском каббалисте», то ли в самом Чехове что-то заело... Так или иначе, но милейший Антон Павлович умер, не оставив потомства. Это, впрочем, нисколько не поколебало Софью Андреевну в ее суеверии. Да и с чего бы ей колебаться? Давайте проверим:

«Арабский каббалист» — суеверие? Нет.

$9+1+10+2+2+1+1+5+10+11+10+1+9=72.$

$72 : 7=10$ и 2 в остатке.

Если даже у нас так получается, то чего же мы хотим от женщины, на которой огромное хозяйство, восемь человек детей, муж-сумасброд и вечно голова идет кругом?..

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ДУША ЦВЕТКА

Ни в чем не знающие меры книголюбы-сибиряки однажды по ошибке преподнесли Гончарову ценный презент с табличкой «Великому сибиряку, властителю дум». Произошел конфуз. Гончаров, как властитель дум, презент принял, но при этом заметил, что родился не в Сибири, а в Симбирске.

Сибиряки хотели было презент назад получить, но Гончаров и слышать об этом не желал. «Уходите лучше подобру-поздорову, не то я про ваше некультурное чалдонство в «Отечественные записки» напишу! На всю матушку-Россию ославлю!..» — вредный был человек, что и говорить. Сибиряки потоптались в прихожей, повздыхали, напялили на головы лисьи малахаи и побрели обратно в свою Сибирь.

Самый презент — здоровенный клубненосный зопник — Гончарову ни на что не был годен, только квартиру загромождал. А посему Иван Александрович поспешил передарить зопник Толстому, у того хоромы графские, места много. Табличку, разумеется, оторвал и на память себе оставил. И так Льву Николаевичу много чести.

Толстой, как мы знаем, не терпел ни в чем вычурности и фальши. И поэтому поначалу отнесся к зопнику с недоверием, хотел даже сбить его с глаз долой, благо приближались именины Григоровича, но в последний момент позадничал. «Подарю-ка я ему какую-нибудь свою книжку, — решил Толстой, — вот, хотя бы „Сколько человеку земли нужно” или „Смерть Ивана Ильича”... А что? Хорошие сочинения, они Григоровича дурному не научат. Пусть себе читает, авось изменится к лучшему...» Так разминутся зопник с автором «Антон Горемыки», Григорович и не узнал даже, что этот самый зопник такое...

А Толстой узнал. Уж такой он был человек, что до всего своим умом доходил. Зопник оказался таежным цветком-многолетником из семейства губоцветных с крупными, треугольно-сердцевидными городчатыми листьями. Пересаженный в добрую яснополянскую почву, зопник украсился соцветиями двугубых бело-розовых пушистых цветков. На веревчатых корнях округлились и налились небольшие, величиной с грецкий орех, съедобные клубеньки. Стоило Льву Николаевичу зачем-либо отлучиться из Ясной Поляны — соцветия скорбно поджимали свои губки, по возвращении хозяина — радостно их распускали. Многолетние наблюдения подтолкнули Толстого к мысли о том, что у зопника наверняка есть душа, и эта душа — не дурная.

Летом 1918 года яснополянские крестьяне подвергли грядки и клумбы имения опустошительной потраве. Зопник пал жертвой собственной съедобности. Где ныне пребывает его душа — остается только догадываться...

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО ПТЕНЦЫ

Лев Николаевич часто стонал и вскрикивал по ночам. Софья Андреевна стонала и вскрикивала в утренние и дневные часы.

С малолетства притерпевшись к такой разноголосице, дети любовно-ласкательно называли папá — Совой, а мамá — Жаворонком.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И РАЗНОВИДНОСТИ ПЬЯНИЦ

В общественном мнении укоренилась мысль о том, что Толстой не терпел пьяниц. Это верно, но лишь отчасти. Пьяниц Лев Николаевич делил на две разновидности: «без претензий» и «с претензиями». За первыми признавал право на существование, вторых чурался, как нечисти. Подобно мыслителям древности Толстой полагал, что добрый человек лучше умного...

Однажды сыновья Толстого привезли своего сверстника и приятеля, знаменитого певца Шаляпина в родительский дом. Шаляпин давно мечтал спеть для Льва Николаевича, вызвать в нем бурю эмоций и всем потом об этом рассказывать.

Эмоции вызвались, но не совсем те, о которых мечталось. Ободряемый молодыми графами, Шаляпин выпил в буфетной для успокоения нервов полторы бутылки шустовского коньяку, и когда вышел в залу и объявил:

— Россия!.. Цивильский серюльник!.. Ария падра... — все, уже можно было не петь...

С того памятного дня Шаляпин зарекся употреблять крепкие напитки и громогласно осудил пьянство, продемонстрировав при этом искренний демонизм, подлинный трагизм и неподдельную ярость. Для пьяниц это было настоящим ударом. Они до сих пор еще плачут, едва услышат пластинку с записью любимого певца.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО ФАМИЛИЯ

Лев Николаевич был крайне чуток к корневому, глубинному смыслу слов и имен. Так, например, он полагал, что фамилия Толстой нисколько не отражает его сущности. Он был человеком поджарым, всякую телесную полноту воспринимал как греховное излишество, следствие потакания похоти чревоугодия и лени. Софье Андреевне Толстой

ее замужняя фамилия вполне подходила. А девичью — Берс — Лев Николаевич решил выводить из немецкого глагола *bersten*, что означает «лопнуть» или «треснуть». Предки Софьи Андреевны были выходцами из Германии. В России они наконец-то как следует отъелись. Но не о немцах речь.

Старшая дочь Толстых вышла замуж за тульского помещика Сухотина и на радостях объявила, что теперь станет носить двойную фамилию: Толстая-Сухотина. Чтоб и от великого родителя не отмежеваться, и самолюбивого супруга не обидеть. Узнав об этом, Лев Николаевич впал в отчаяние. Он эту «толстую сухотину» своим писательским умом живо вообразил. И такая похабная картина нарисовалась, хоть плачь! Но не тот человек Толстой был, чтобы только о своем гужить. Через дочкино неблагозвучие ему беды многих женщин близки и понятны стали: русскому мужчине какую фамилию ни прилепи — Орясин, Тошнотин, Колдобин, хоть бы даже и Хреновин — все ему вроде бы нипочем. А каково стать женой такого счастливца?.. То-то!..

Исподволь выведав причину толстовской скорби, художник Репин утешил писателя воспоминанием о том, что в городе Чугуеве, где Илья Ефимович имел удовольствие появиться на свет, жил холодный сапожник по фамилии Богиня. Природа щедро одарила этого человека всеми необходимыми для пустой и несчастной жизни качествами: Аверкий Богиня был дурак, грубиян, пьяница, худосочный и плоский, как клоп, кривоногий полуурод. Жена Богини, как говорили, «померла через его дурист», хотя на самом деле умерла рожая дочку. Так вот: эта самая дочка Гапка выросла точно по мерке фамилии — первой красавицей на весь Чугуев. Столь хороша и светла была, что взял ее в жены самый настоящий дворянин, секретарь уездного суда Лопухов. Аверко Богиня от такой высокой чести окончательно спятил, допился до того, что заснул в нетопленной своей халупе, ну и не проснулся... Вот и получается, что если теперь в Чугуеве кому-нибудь захочется увидеть Богиню, то, как говорится, увы!.. «Одни лишь призраки былого встают нестройною толпой...» Гапка, она ведь давным-давно уже Аграфена Аверкиевна Лопухова, как это пошло ни звучит...

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЗАПОР

В запорах нет ничего дурного — учил Толстой. Запоры следует любить так же, как цирковой силач любит свои гири, воздухоплаватель — земное притяжение, часовой — сонную истому.

Ибо «усилие есть необходимое условие нравственного совершенствования».

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И РАЗНЫЕ ПРОЧИЕ ТВАРИ

Глубоко нравственным Толстой стал не сразу. В первой половине жизни он любил убивать животных. Воспоминания об этой низменной страсти изнурили его до поры дремавшую, а по пробуждении несколько шальную и всклокоченную совесть.

Однажды зимой молодому графу Льву Николаевичу случилось добывать медведицу на берлоге. Пуля оказалась дурой. Медведица бросилась на стрелка и стала драть. Подающего надежды писателя спасли: глубокий снег, овчинный тулуп и расторопный зверовщик Демьян. Этот последний, вооруженный всего лишь палкой да зычным голосом, сумел напугать и обратить в бегство слабонервную самку. Спустя месяц ее все-таки убили. Шкуру охотники преподнесли Толстому в знак уважения к его страданиям.

Лев Николаевич был рад шкуре. Он велел расстелить ее под роялем. По его мысли, это знаменовало торжество духа над низким тварным началом.

Много лет спустя писатель Горький застал Толстого за разучиванием какой-то фортепьянной пьесы. Лев Николаевич сидел на простом венском стуле посреди роскошной меховой лужайки, будто Бог на облаке. Пронзительный взор из-под густых насупленных бровей буравил в нотном листе сотни маленьких черных дырочек. Под серым сатином рабочей блузы сутуло бугрилась спина землепашца. Грозovou

тучей реяла борода. Капнуло, полилось, хлынуло. Сквозь увеличительные линзы восторженных слез Горький впервые разглядел Толстого в его исполинском яснополянстве.

— Какой матерый человечище!.. — воскликнул Алексей Максимович и зарыдал в голос.

При всей своей наружной простоте Лев Николаевич всю жизнь изнывал под бременем аристократических привычек и предрассудков. Так его коробило, если кто-то рыдает не в такт исполняемой музыке. Да еще вот, как сейчас, подвывает, икает и кашляет. Но Горькому он готов был простить и отсутствие музыкального слуха, и досадную телесную громоздкость, и обильную, поспешную, какую-то малосольную слезливость... Лев Николаевич любил Горького той снисходительной, брезгливо-нежной, понимающей любовью, которую может испытывать к гадкому утенку один только взрослый лебедь.

Этот Горький — трогательный малый. Жаль, что из него вряд ли выйдет большой писатель. Ведь, кроме жизни разного человеческого отребья, он ничего толком не знает. В особенности природу. Для него она вроде оперной декорации. Сразу чувствуется, что не охотник. В этих его песнях о соколах и буревестниках Уж заползает в горы. Разве такое где-нибудь видано?.. Это ведь все равно, что аллегории ради загнать на вершину Эльбруса хитровского босяка!.. На морозе с голой задницей разглагольствовать о величии и гордости человека — чем не образ?.. Покуда молод — любой несурaziце придаешь сверхъестественное значение, а как поживешь да состаришься — даже самые значительные вещи кажутся такими несуразными...

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ХАТХА-ЙОГА

В короткий, но бурный период увлечения йогой супруги Толстые не столько концентрировались на самих себе, сколько друг на друге. Лев Николаевич в позе Змеи вызывал у Софьи Андреевны возвышенную печаль, а Софья Андреевна в позе Лягушки задевала в душе Льва Николаевича

ча потаенные струны. Но только Змея воспрянет — Лягушка начинает артачиться и жаться.

— Ах, оставь, Левочка, что за вздор!.. Не сейчас!.. Завтра!.. Послезавтра!.. Ну не надо!.. Ну потом когда-нибудь!.. Сейчас дети явятся с годовщиной свадьбы нас поздравить. Они бог знает что вообразят!..

Иной раз, далеко за полночь засидевшись в рабочем кабинете в излюбленной позе Льва, вместо того чтобы писать позднюю свою прозу, Толстой с горечью думал о том, что никакой он не Лев, а обыкновенный беззубый старик. И два пути этому старику: либо в деятельные грешники, либо в оцепенелые праведники.

Но что бы Лев Николаевич о себе ни выдумывал, засыпал он всегда одинаково — в совершенно детской позе Калачика.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО ПРОРОЧЕСТВО

В 14-й артиллерийской бригаде молодой талантливый писатель, поручик граф Лев Николаевич Толстой оставил по себе память как великий мастер рассказывать непечатные анекдоты.

В Петербурге на том же мужественном поприще блистал маститый литератор, действительный статский советник Дмитрий Васильевич Григорович.

Едва познакомившись, славные сочинители стали соревноваться в том, кто кого изящнее перепохабит. Так долго и рьяно соревновались, что у Толстого выпали необходимые для обаятельной улыбки зубы, а у Григоровича заиндевели бакенбарды и все лицо покрылось коричневыми пятнами.

Казалось, пора уже и о душе подумать, но не тут-то было. Каждый норовил оставить за собой последнее слово. В конце концов Толстой одолел Григоровича. Причем добил его даже не анекдотом, а дружеским советом.

— Вот вы, Дмитрий Васильевич, написали удачную вещь — «Гуттаперчевый мальчик». Отчего бы вам не сочинить продолжение под названием «Гуттаперчевая девоч-

ка»? По моему ощущению, публика давно и страстно алчет гуттаперчи. Попомните мое слово: не сегодня завтра какой-нибудь немец наверняка набредет на эту идею, и гигиенических гуттаперчевых девочек станут продавать в аптеках наряду с грелками, клизмами и прочими смягчителями человеческих нравов...

Вовсе не странно, что пророчество Льва Николаевича относительно изобретения надувных секс-игрушек сбылось. У него и не такое сбывалось!

Не удивительно и то, что Григорович пренебрег советом. Наверняка решил, что Толстой просто так шутит. Но ведь Лев Николаевич никогда не шутил просто так. В каждой его шутке всегда содержалась большая доля истины. Иногда настолько большая, что размерами своими намного превосходила величину обыкновенной человеческой головы.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ПУЗЫРЬКИ

Как ни любил Лев Николаевич охотиться, играть на фортепиано или в шахматы, пахать землю, разводить свиней, баранов и пчел, сажать яблони и елки, выращивать цветы, собирать лекарственные растения, шорничать, сапожничать, пилить дрова, давать советы, ссужать нуждающимся деньгами, косить траву, класть печи, обучать сельских детей грамоте, ловить окуней, смущать мужиков рассуждениями о земельном вопросе и вере в Бога, кататься верхом, на коньках, на велосипеде, ездить на кумыс, на голод, к цыганам, в вагоне третьего класса, носить сатиновую блузу, бросать пить, курить и есть мясо, во всем винить прогресс, город и государство, штудировать Канта и Шопенгауэра, стричь бороду в новолуние, раскладывать пасьянсы и спать на красной сафьяновой подушке, — как ни любил Толстой все это, но писательское свое ремесло любил все-таки больше.

Конюх Антип при советской власти опубликовал книгу воспоминаний «Из простых в сложные», где в главе «Тайные пружины» читаем: «...Лев Николаевич, конечно, ста-

рался опроститься, но его всякий час что-нибудь да отвлекло. Показательный случай: снимаю я с Красавчика уздечку, а Лев Николаевич рядом локтями вожжи меряет. Это такой отсталый способ измерения до революции был. Вдруг, не домерив, бросает это дело, глядит на меня, как на пустое место, и говорит: „Пузырьки — это нарочито!” Я хорошо запомнил его слова, потому что не понял ничего, а Лев Николаевич уже, смотрю, бежит к дому, где у него ручка с чернилами [...] Долгие годы у меня эти пузырьки все никак из головы не шли!..

И вот, совсем недавно, приезжал к нам в Ясную Поляну один знаменитый профессор, который всего Толстого досконально изучил. Он объяснил мне, что Лев Николаевич выразил возмущение на роман какого-то французского писателя, забыл фамилию. В этом романе рассказывается, как женщина моется в ванне, а к ее голому телу прилипают воздушные пузырьки. Вот Лев Николаевич про эти пузырьки, значит, рассуждал и решил, что они на читателя игривость воображения наводят, будто квас в нос шибают, а для души не дают никакого последствия.

Только я думаю, что эти пузырьки произошли от мыла. То есть, может, барышня всерьез мылась, а Лев Николаевич понял так, что ради одного озорства растелешилась. Ну и разругал ко всем чертям, не разобравши. Он ведь ужас как на всякую критику скорый был!.. Бабы еще что!.. От барина царям доставалось! А то мог дерево в лесу так обложить по матушке, что назавтра, глядишь, листья с того дерева все и осыпались... Или человека взглядом остолбенить. Мне от него частенько перепадало. Только всегда потом подойдет и скажет: „Прости, Антип, за то, что я на тебя так сильно духовно влияю. Это я поступаю опрометчиво. Это во мне гордыня еще не вся перебродила, уж не знаю, перебродит ли когда...»

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И МЫЛО

Лев Николаевич отказывался мыться невегетарианским мылом. Соглашался ходить грязным, вонять, по-

крыться коростой, лишь бы не пользоваться мылом, «сваренным из собаки». «Когда люди узнают, чем они умывают руки, наверняка растерзают мыловаров».

Так ли это? Опыт истории показывает, что люди, желающие кого-либо растерзать, набрасываются прежде всего на вегетарианцев. До мыловаров они добираются в последнюю очередь.

Впрочем, и сама человеческая история не приводила Льва Николаевича в восхищение. Он считал ее отвратительной и бессмысленной. Такой же смесью убоины и благоволий, что и мыло.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И АРТРИТ

У Льва Николаевича Толстого артрита не было в помине, зато были знания о том, как этот артрит лечить. У Гончарова артрит имелся, и еще о-го-го какой, но Иван Александрович ничего решительно о нем не желал слышать.

Толстому казалось, что Гончаров под маской несокрушимого самодовольства скрывает страдание. И это страдание нужно постараться облегчить. Нужно помочь ближнему, а ведь Гончаров — ближний, несмотря даже на то, что в прошлый раз приволок в дом Толстых невероятно зловонное чучело африканской гориллы с оскаленной пастью и чучелом белого ребенка в лапах, отчего Софья Андреевна упала в обморок и выбила себе четыре передних зуба.

Сегодня, с озабоченным видом принимая из гончаровских рук широкополое, но, по-видимому, не таящее в себе сколько-нибудь серьезного подвоха мексиканское сомbrero, Толстой решил, что пришла пора действовать: чтобы уважить гостя, Лев Николаевич напялил сомbrero на голову и обратился к Гончарову с такими словами:

— Иван Александрович, дорогой! Вы когда-нибудь обращали внимание на то, что артрит, ревматизм, подагра — отлично лечатся настойкой душистого грыжника, хотя, рассуждая логически, грыжником народ скорее должен был бы назвать средство от грыжи, а никак не от артрита, от которого грыжник так помогает... Что вы на это скажете?

Сгустив обычное, слегка ядовитое выражение на лице своем, Гончаров поморщился и ответил так:

— Насчет способности народа называть вещи своими именами поверьте мне, старому цензору, барину и брюзге: народу пока удалось более или менее точно обозначить только три понятия: водка, селедка, пузо.

Стыдясь за собрата по перу, Толстой про себя решил, что острее этой грубой насмешки угодило не в народ, а в адрес «Пиковой дамы» А. С. Пушкина, великого писателя, картежника и сластолюбца. У Пушкина, кстати, тоже был артрит. Он избавился от него, умерев от дуэльной раны.

— Левашка! Как шебе идеш эша шляфа! — воскликнула Софья Андреевна, входя в комнату. После давешнего падения она заметно шепелявила.

Пользуясь подходящим случаем, Гончаров снова принялся говорить гадости о народе. На сей раз — о неподвижных коряках. Такое несколько дикое для современного слуха название русские казаки-первопроходцы еще в XVII веке дали оседло живущим на побережье Охотского моря камчатским аборигенам. Подвижная часть коряцкого племени постоянно кочует со своими оленями вдалеке от посторонних глаз, а береговые — у всех на виду.

То ли из-за своего бурного приморского темперамента, то ли по причине болезненного самомнения неподвижные коряцкие мужики — все сплошь ужасные ревнивцы. Суровый обычай предписывает замужним корячкам нарочно уродовать и чумазить себя, чтобы предупредить даже самую мысль о возможном постороннем посягательстве. Безобразие и неопрятность почитаются у них за наивысшие добродетели. Вместе с нанесением на лицо всевозможных порезов и ссадин, умощением тела гнилым рыбьим жиром, жалкой скорбленностью и притворной хромотой в число маленьких коряцких женских хитростей входит также выламывание передних зубов. Пока молодая жена добровольно не примет обличия отвратительной зловонной старушонки, коряк ни за что не рискнет отлучиться из дому на зверовый либо рыбный промысел. В коряцких народных песнях поется о том, что девичья красота, если ее вместе с девичеством вовремя не лишиться, может стать причиной лютой голодной смерти!..

Софья Андреевна слушала Гончарова затаив дыхание и даже слегка разинув рот, а Лев Николаевич не мог скрыть раздражения. О повсеместном народном убожестве — еще куда ни шло, но разговоров о чьей либо ревности Толстой решительно не терпел, воспринимая их как намек в свой адрес. Он был колоссально ревнив и титанически мнителен. Мощь толстовской ревности дала бы сто очков форы силе гончаровского артрита. Сейчас, в своем сомбреро, он вдруг сделался страшно похож на ожившую статую Командора!..

— Боюсь, что если вы и впредь не будете лечить свои суставы, как вам умные люди советуют, то скоро, дорогой Иван Александрович, вы сами рискуете превратиться в «неподвижную коряку». А ты, Соня, закрой рот, не то в него ворона залетит... — По всему было видно, что Лев Николаевич, пошутив один раз, истратил весь свой небольшой запас добродушия и более шутить не намерен.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС

Смолоду Лев Николаевич вождедел женщин. В его душе свили гнездо сирены сладострастия. Вместе с писателем сирены постепенно старели, их голоса стали звучать надтреснуто и глухо. К тому же у сирен появилась скверная привычка храпеть по ночам.

Толстой, разлюбивший пороки и оттого особенно чуткий ко всякого рода фальши, в данном случае — музыкальной, взял за правило принимать перед сном валериановые капли. Это простое средство сообщало сиренам способность довольно сносно сопения в унисон. И то ладно.

Вообще говоря, вокальные пристрастия Льва Николаевича Толстого были незатейливы: цыганские песни он ставил выше «Аиды», а «Лихорадушку» Даргомыжского хоть и называл квазинародным произведением — предпочитал «Пиковой даме». Которая ни в чем, старая дура, не народна, сколько ее ни слушай.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО БРАТ ПО ДУХУ (быль)

Зимой 1891 года Толстой с группой единомышленников выезжал в Рязанскую губернию для того, чтобы организовать помощь голодающим крестьянам.

В деревню Бегичевку, которую Лев Николаевич избрал местом временного жительства, ежедневно стекались толпы нуждающихся просителей. На их однообразно горестном фоне нельзя было не заметить высокого, румяного старика, осиянного невиданной, аршинной длины седою гривой и кипельно-белой библейской бородой. Всю одежду его составляли флотский парусиновый плащ и нижняя рубаша с подштанниками, обувь служили какие-то легкомысленные, откровенно дырявые войлочные опорки. Кроме пустого джутового мешка и бутылки с водой, никакого имущества у старика не было.

В таком виде он прошел от ближайшей железнодорожной станции тридцать с лишним верст по морозу пешком.

На хорошем английском старик рассказал, что родился в Швеции лет семьдесят тому назад, всю жизнь скитался по миру в поисках истины и вот, недавно познакомившись по книгам с мировоззрением Толстого, ощутил полное с ним духовное родство, а посему решил остаток дней своих провести рядом с Львом Николаевичем, не насилуя ни людей, ни животных, добывая себе пропитание с помощью лопатной культуры.

Строгий вегетарианец, он питался только фруктами, овощами и лепешками из толченого зерна, пил одну лишь сырую воду и, когда за завтраком подали к столу самовар, укоризненно воскликнул:

— И вы поклоняетесь этому идолу! Китайцы умоляли меня рассказать жителям своекорыстной Европы о том, что их лучшие, плодороднейшие земли, самою природой предназначенные для выращивания питательных злаков, отведены ныне под чайные плантации в угоду ничтожной кучке белых колонизаторов и местных мандаринов, которым чайная торговля приносит гигантские барыши!.. Мы должны добровольно отказаться от употребления чая, дабы не участвовать в злодейском отнятии хлеба насущного у наших братьев китайцев!..

Заметно смутясь, Толстой распорядился убрать самовар и принести ячменного кофе, предварительно заверив шведа, что подан будет дешевый и полезный местный продукт. Едва пригубив домодельного кофею, суровый северянин сказал:

— Грешно портить так хлеб, — и не стал пить.

Лев Николаевич воспринял явление шведа как воплощенный упрек совести. Он решил ни в чем не отставать от своего нового духовного брата. Эти нравственные догонялки едва не стоили Толстому жизни.

Первобытно-грубая «шведская диета» вызвала целый каскад тяжелейших припадков застарелой желчекаменной болезни. Каждый следующий мог оказаться роковым. От безвременной кончины великого писателя-гуманиста спас местный становой пристав — проницательный, бывалый негодяй.

Желая, согласно известной русской пословице, «других посмотреть и себя показать», сей важный полицейский чин нагрянул в Бегичевку с поголовной проверкой документов. Кое у кого из толстовских сподвижников документации оказались довольно липовыми. А у кого-то их не нашлось и вовсе.

Когда шведу объяснили, чего от него хочет представитель власти, — этот вдохновенный кудесник заявил, что по своей вере не признает ни властей, ни стран, ни паспортов. Земля — Божья. Все люди — братья. Становой по-божески, по-братски, ласково арестовал старика. В считанные дни бедняга был выслан за границу.

Хоть дело и прошлое, но до сих пор не смолкают еще споры о том, что чаще, страшнее угрожало здоровью и жизни Толстого — силы Добра или силы Зла?..

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ВЕГЕТАРИАНСКИЕ САПОГИ

Толстого очень легко уличить в непоследовательности. Этому теперь может в два счета обучиться во всякой русской средней школе каждый дурак. Но и при жизни Льву

Николаевичу уже как следует доставалось. Например, за то, что, провозгласив принцип ненасилия над животными, он упрямо не желал переобуваться в вегетарианские сапоги.

Будучи заядлым сапожником-любителем, Лев Николаевич однажды стачал пару сапог из новомодного материала — линолеума. Вышел в них даже разок прогуляться вокруг дома, но вскоре вернулся, крайне смущенный и едва ли не на четвереньках. «Вегетарианские сапоги есть символ отказа от насилия и одновременно мучительнейшее его орудие. Где же правда? Неужели, действительно, в лаптях да в валенках?..» — записал Толстой в одном из своих потайных дневников.

На склоне дней Лев Николаевич искренне радовался повсеместному распространению дешевой и практичной гуттаперчевой обуви, не раз публично заявлял о том, что только в резиновых галошах человечество наконец получило возможность сделать первый шаг на пути к ненасильственному миру. Но, как мы знаем, «галоши счастья» даже в сказке не всегда шагают туда, куда хочется. Что до изваянных Львом Николаевичем чудо-сапог, то их как драгоценные вериги долго носил и сносил дотла один известный изувер-толстовец, имя которого вошло во все учебники ортопедии.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ВПЕЧАТЛЕНИЕ НА ЧИТАЮЩУЮ ПУБЛИКУ

Толстой постоянно пытался втравить Гончарова в беседы на религиозно-нравственные темы. Но именно этих тем Иван Александрович на дух не переносил и бывал в таких случаях неучтив до грубости.

Однажды Толстой, скромно потупив очи долу, спросил у Гончарова, кто из известных религиозных философов произвел, по его мнению, наибольшее впечатление на читающую публику? Гончаров ответил, что это, конечно же, философ Хома Брут из гоголевского «Вия».

— Этим ответом он отшвырнул меня, как щенка!.. — вспоминал впоследствии Лев Николаевич. — И ведь что удивительно: если вдуматься, Гончаров нисколько не погрешил против истины!

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И МЕЧНИКОВСКАЯ ПРОСТОКВАША

Мало кто знает, что число бактерий во рту у Льва Николаевича порой доходило до 16 миллиардов зараз. Об этом сам Толстой узнал при посещении лаборатории великого русского бактериолога Ильи Ильича Мечникова. Хозяин угощал великого русского писателя знаменитой своей «мечниковской простоквашей», а заодно демонстрировал эрудицию.

— Вообще говоря, в полости рта человека постоянно паразитируют около трехсот разновидностей бактерий, не все они, впрочем, так уж и вредны. Самые неприятные, их всего четыре: *Veillonella alcalescens*, *Fusobacterium nucleatum*, *Bacteroides melaninogenicus* и *Klebsiella pneumoniae*. Именно они в процессе жизнедеятельности выделяют сероводород и метилмеркаптан — дурно пахнущие газы. Этот процесс подобен тому, который происходит во время гниения мусора. Интересно, что газы аналогичного состава извергает знаменитый североамериканский зверек скунс в момент агрессивного раздражения.

Потом Илья Ильич долго и подробно рассказывал об одной французской крестьянской семье, всех членов которой одолевали приступы хронического аппендицита. Ознакомившись с условиями их жизни, Мечников обнаружил крайне неудачное устройство ретирад. Нечистоты беспрепятственно стекали на грядки с овощами, которыми эти темные люди питались. То есть они ежедневно пожирали собственные, как следует не перегнившие, а значит, совершенно не пригодные для удобрения экскременты. Еще было очень поучительно узнать про дикарей-антропофагов, которых белые колонизаторы в Конго, застав за людоеде-

нием, безо всяких разговоров сразу вешают на ближайшей пальме. Льва Николаевича это возмутило. Он даже перестал есть простоквашу!..

— Европейцы присвоили себе право суда и владычества над коренными народами Азии и Африки. При этом не могут разобраться в собственном жизнеустройстве. Сами жрут свое дерьмо и хотят, чтобы его все остальные жрали. Я, конечно, не оправдываю каннибалов, но христианнейший моралист с удавкой, по мне, в тысячу раз гаже...

Чтобы как-то успокоить Льва Николаевича, Илья Ильич незаметно перешел к вопросу о финозном заражении мяса и о желательности учреждения дееспособной санитарной службы в России. Толстой возразил ему в том смысле, что домашнюю скотину давно пора оставить в покое, что следует заботиться не о чистоте чужого мертвого мяса, а о чистоте собственной бессмертной души. Как будто, истребив всех мух, глистов и блох, человек станет лучше. Да он только в сто раз хуже станет. Начнет истреблять себе подобных, потому что уже приобрел привычку истребления окружающих во имя собственного комфорта, а ближний твой — сами знаете — куда надоедливей комара бывает...

В общем, поговорили. Лев Николаевич поблагодарил за угощение и откланялся. Ученые беседы никогда не доставляли ему особой радости. В современной науке он видел всего лишь одну из форм изощренного духовного тунеядства, бегство от ответа на действительно насущные вопросы человеческого бытия.

Зачем же Толстой ходил в гости к Мечникову, спросите вы? Ответ прост: Лев Николаевич очень любил «мечниковскую простоквашу». Он считал ее в своем роде совершенством.

— Мне кажется, дорогой Илья Ильич, что молочнокислые бактерии намного полезней нас с вами... — частенько говаривал Лев Николаевич, с удовольствием облизывая ложку.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И РОЗАННАЯ ЦИКАДКА (диктант)

Листья любимых толстовских роз покрылись мелкими белыми точками и пожелтели. Розы заметно подурнели. Осторожно осмотрев нижнюю сторону одного из листьев, Лев Николаевич увидел, что там расположились мелкие беловатые сосущие насекомые — розанные цикадки.

При малейшем прикосновении к листу они перелетали на другое место. Эти насекомые повреждают также шиповник, вишни, рябины, груши, яблони.

Для борьбы с вредителями Толстой решил применить то же средство, что и против слюнявой пенницы.

— Как хорошо, что поблизости нету дам! — радовался Лев Николаевич, журча, лучась и играя на солнце.

ГРАФ ТОЛСТОЙ И ШАПИРОГРАФ (быль)

Лев Николаевич Толстой не любил поэзию. Он считал, что поэты вынуждены постоянно изворачиваться и лгать в угоду рифме. Что всякое стихотворение, таким образом, есть система натяжек, что по-настоящему глубокая и важная мысль поэтическими средствами выражена быть не может, что подлинное назначение поэзии — будить в сердцах людей дурные страсти. Серенада и патриотический гимн — равно растлительны.

Понятно, что отменить существование поэзии Толстой не мог. Вместо этого он весьма ретиво аннулировал поэтов. Для этой цели в Ясной Поляне имелся прибор с запоминающимся названием «шапирограф».

Шапирограф был изобретен неким Шапиро для тиражирования факсимильных оригиналов. Написав однажды специальными чернилами что-нибудь вроде «Я люблю Вас!», можно было отпечатать хоть тысячу совершенно одинаковых любовных записок, если, конечно, одинаковые любовные записки кому-нибудь могут доставить радость.

Лев Николаевич получал горы писем. И среди них — стихотворные послания с непрерывной просьбой дать снисходительную оценку их скромным достоинствам. Чаще всего их авторами были очень молодые и очень наивные люди из провинции. Толстой велел своему секретарю отпечатать на шапирографе стандартную отписку: «ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ПРОЧЕЛ ВАШИ СТИХИ И НАШЕЛ ИХ ОЧЕНЬ ПЛОХИМИ. ВООБЩЕ ОН НЕ СОВЕТУЕТ ЗАНИМАТЬСЯ ВАМ ЭТИМ ДЕЛОМ». Самих стихов никто, разумеется, не читал, так что неизвестно, какими они на самом деле были. Вполне вероятно, что и плохими. Скорее всего. Будем надеяться, что, получив от столь авторитетного шапирографа столь сокрушительный щелчок по носу, никто из начинающих стихотворцев не побежал с горя топиться в мелком пруду Городского сада. Это было бы уже в высшей степени бездарно.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО ОТЛУЧЕНИЕ

Толстой признавался, что желание изъясняться каламбурами возникает у него вследствие сильного мыслительного утомления. А каламбурил он достаточно часто. Удачно или не очень — это уже другой вопрос.

Так, однажды Лев Николаевич публично обозвал всех без разбору священнослужителей «духовными пластырями». Характерно, что на свой счет это приняли только православные попы. Они давно искали повод как-нибудь побезутешней обидеться на великого писателя земли русской. Ну а тут такое!..

Отлучение Толстого от Церкви было предрешено.

Весть об Определении Священного Синода от 22 февраля 1901 года за №557 вызвала во всем мире приступ газетно-телеграфного бешенства. Толстой ежедневно получал тысячи писем и телеграмм с выражениями солидарности. Старик в одночасье помолодел лет на десять.

— Считаете ли вы, что пострадали из-за своих убеждений? — донимали Льва Николаевича бесчисленные интервьюеры.

— Ну что вы, что вы! Это было бы нескромно. Я полагаю, что сама Церковь пострадала из-за своих убеждений.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Постоянные призывы к ненасилию выворачивали Льва Николаевича наизнанку. По ночам ему снились мракобесие, мятежи и экзекуции.

В ночь с 15 на 16 июня 1905 года Толстому приснился здоровенный волосатый кулак с татуировкой: якорь, обвинительный цепью, и имя «Гриша». Наутро в свежих газетах Лев Николаевич нашел подтверждение тому, что на броненосце «Потемкин» вспыхнуло стихийное восстание.

Для Толстого, тонкого знатока и опровергателя русской истории, не было тайной личное имя Светлейшего князя Таврического. Его звали Григорием. Утаить от Льва Николаевича что-либо существенное никому не удавалось. Спал Толстой или бодрствовал — значения не имело.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН

Иосиф Виссарионович Сталин Толстого высоко ценил. В самом деле: кто еще мог вот так, запросто, безо всякой классовой борьбы, одною лишь христоблаженной писаниной трепать нервы трем царям и задурить головы миллионам людей во всем мире?..

— Жаль, не дожил старик до социализма. Настоящий боец был. Анафемы, манафемы — ничего не боялся. Ошибался конечно. Сам с собою вступал в кричащие противоречия. Ну мы бы его немножко поправили... А так что? Хочешь жить в Ясной Поляне — живи в Ясной Поляне,

жена надоела, хочешь уйти — уходи, дорогой, никто тебя не держит... Страна у нас большая, хорошему человеку везде будут рады...

От этих, знать бы для чего произнесенных, фантастических слов Хозяина ближайшие соратники вздрагивали и что-то такое булькали, словно болото, потревоженное падением тяжелого камня.

По окончании Ялтинской конференции, на которой главы стран — участниц антигитлеровской коалиции определяли судьбу послевоенной Европы, Сталин озадачил своего личного секретаря Поскребышева рассуждениями о том, как следует поступить с самим Крымом.

— Предателей-татар мы отсюда вычистили. Это хорошо. На их место переселим жителей тех областей, которые больше всего пострадали от фашистов. На месте прежней Крымской автономной республики будет создана по существу новая административная единица. Почему бы не назвать эту единицу именем Льва Николаевича Толстого?.. Лев Толстой — великий русский писатель-гуманист, активный участник и летописец героической обороны Севастополя от англо-франко-турецких захватчиков... А?.. Помоему правильно!..

От такого выпренне-раздумчивого хозяйского тона у Поскребышева вскипели уши.

— Совершенно с вами согласен, Иосиф Виссарионович!

— Ну а если так, то вот что мы сделаем: переименуем Симферополь в Толстой, а Крымскую республику — в Толстовскую область. Советский народ, думаю, нас поддержит, на Западе Толстой тоже пользуется определенным авторитетом, а раз возражений не предвидится, значит, нечего с этим тянуть...

Окрыленный новой сумасшедшей идеей Поскребышев полетел готовить проект соответствующего постановления. А когда подготовил и показал — Сталин обозвал его идиотом.

— Если ты шуток не понимаешь, как ты вообще на свете живешь?! — И засмеялся.

Смех — смехом, но все же Иосиф Виссарионович распорядился что-нибудь подходящее именем Толстого все-таки назвать. И назвали. Толстой Юрт. В Чечне. Оттуда был также недавно подчистую выселен коренной народ-преда-

тель. И в тех краях когда-то Лев Николаевич из пушки вволю пострелял.

— Как это у нас с Толстым все так точно совпадает! — удивлялся Сталин. — Сам не понимаю!..

И ближайшие соратники дружно недоумевали:

— Так точно! Сами не понимаем!..

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО ТОШНИТЕЛЬНОСТЬ

В доме Толстых ждали приезда Далай-ламы. В своем последнем письме он сообщил, что приедет в конце мая, как только у него дома, в Тибете, стает снег на дорогах через перевалы. Далай-лама желал лично засвидетельствовать графу Толстому свое почтение и посоветоваться по ряду не вполне ясных мировоззренческих вопросов.

Каким-то образом пронюхав о предстоящей встрече, уже с начала мая в Ясную Поляну стали съезжаться тысячи религиозно-нравственных зевак. Своим присутствием они ужасно докучали Льву Николаевичу. В его сознании, как топор в колоде, засело сообщение Софьи Андреевны о том, что за рекою Воронкой уже вовсю идет сооружение трибун для публики, торговых палаток и ресторанных веранд, места во всех яснополянских избах на месяц вперед оплачены по неслыханному тарифу — 5 руб. серебром за одно место на печи в сутки, что на угощение визитеров в доме ежедневно отпускается 10 фунтов чаю, пуд сахара, подвода баранок и около двух возов древесного угля для самоваров. Уголь, впрочем, в расход не пишется. Целый железнодорожный вагон его любезно предоставлен автору «Войны и мира» Московской комиссией по ликвидации последствий пожара 1812 г.

— То, что господа духовные искатели все здесь вытопчут, разорят и испакостят, тебя, Левочка, конечно, пугать не должно. Ты давно этого добивался. Одно страшит — как бы не случилось второй Ходынки. Ведь непротивленец, если он лавой прет, нисколько не воздушней каких-нибудь пьяных обвальщиков с хладобойни...

А тут еще садовник Терентий со своей бедой: сиреневая моль с осени окуклилась под кустами сирени. Что делать?..

Способность Толстого мгновенно переключаться с планетарных проблем на бесконечно мелкие изумляла современников. Изумит и нас, чем мы хуже!

— Моль?.. Сейчас какое время года?.. Ты вот что: окопай приствольный круг шириною примерно в сажень, ну и вершков на пять в глубину. От весеннего перекапывания погибают куколки не только сиреневой моли, но также и самки паутинного клещика, и трипсы, и луковичная муха, и луговой клоп, и долгоносик, и кивсяк, и даже медведка!.. Ну, ступай... Нет, постой!.. А знаешь ли ты, Терентий, что буддистам этого нельзя? Что это дурно, губить насекомых? Ну, да мы Далай-ламе не скажем. Не скажем, господа? Надеюсь, среди вас нет буддистов?..

Среди опрошенных оказалось восемнадцать православных, трое лютеран, супружеская пара католиков, два непарных иудея, мусульманин, адвентист седьмого дня, воинствующий атеист и человек двадцать с разной частотой колеблющихся. Буддистов не обнаружилось. Появиться в Ясной Поляне им, как видно, было не суждено.

Вскоре Далай-лама прислал новое письмо, в котором сообщал, что в связи с простудой правой руки приехать не сможет, многоступенчато извинялся, желал графу Толстому всего самого блаженного, а заодно просил передать привет госпоже Блаватской.

Тут, конечно, Далай-лама дал маху. Само звучание имени Блаватской возбуждало в Толстом позывы на рвоту. Блаватская! Бла-бла-бла-ватская!.. Блаватская — это какое-то Вселенское Недоразумение! Куда ни плюнь — везде Блаватская! Откуда Далай-лама взял, что я должен передавать какие-то приветы Блаватской! Нашел мальчика! И незачем ему было сюда приезжать! И хорошо, что не приехал! Сиди в своей Шамбале, если у тебя одна Блаватская на уме!..

Тошнительность Толстого была весьма прихотлива. За обедом он мог с воодушевлением рассказывать жене и детям о том, как изумительно ловко личинка мухи-журчалки ротовыми крючками хватает, поднимает и высасывает листоблошку или как мелкобрюх откладывает яйца в тело гусеницы. Но стоило кому-нибудь в присутствии Льва Ни-

колаевича заговорить об оккультизме, теософии и тому подобным межеумным таинственностям — из груди его вырывался звук, отдаленно напоминающий орлиный клекот...

С грустью покидая священную яснополянскую землю, многочисленные гости уносили ее не только на подошвах своих сапог. Они пол-имения растащили на сувениры. Убытки превысили доходы от издания «Фальшивого купона», «Плодов просвещения» и «Семейного счастья» вместе взятых. Или, если угодно, от первой части «Анны Карениной», плюс «Лев и собачка». Или от почти всей «Крейцеровой сонаты» без шести последних абзацев. Софья Андреевна во всяком деле блюла расчет и, грешным делом, любила выгоду. А невыгоду, как ни пыталась, так и не научилась любить.

— В своем последнем письме Махатма Ганди пишет, что хочет приехать к нам в Ясную в конце сентября, как только у него дома, в Индии, жара спадет. Так вот что я подумала, Левочка! Ты уж который год все из дому уйти порываешься, а я, дура глупая, тебя не пускаю. Но если уж на то пошло — отчего бы тебе самому в Индию не съездить? И для Ганди это будет большой сюрприз...

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО ЛИЧНЫЙ ВРАЧ

Личный врач Толстого — Душан Петрович Маковицкий был ежедневным свидетелем последних лет жизни Льва Николаевича. Прекрасно понимая, что каждое слово великого человека важно сохранить для потомства, он пытался записывать буквально все, что тот ни скажет. Льва Николаевича это смущало и порой сердило.

— Прекратите, прекратите! — кричит. — Запишете что-нибудь по слабости, в сердцах брошенное, потом опубликуете, а люди как раз и решат, что старик из ума вышел и больше ему веры нет!..

Стал Маковецкий думать, как быть. И придумал. Заказал портному пару широких штанов с особыми карманами. Бывает, пустится Лев Николаевич о погоде либо об

искусстве рассуждать — доктор руку в карман, а там у него блокнот и карандаш наготове. Нашарит он эти штуки, и вперед!

Чтобы ловчей да разборчивей выходило, Душан Петрович каждую ночь у себя в комнате отдельно упражнялся. Лежа в постели выписывал вслепую под одеялом всевозможные рецепты от воображаемых болезней.

И все бы хорошо, да одно плохо: несмотря на преклонный возраст, Лев Николаевич не вполне еще ослеп. С некоторых пор он стал замечать за доктором неприятные странности. Присядет рядом Душан Петрович, ласково в глаза глядит, улыбается, а сам руки в штаны спрячет и чего то там ими себе сучит!..

Тут уж пришла очередь Толстого думать о том, как быть, а быть — непросто. Одно дело — запретить за собой всякий вздор записывать и совсем другое — прямо вот так, в лицо залепить человеку: немедленно выньте руки из штанов, дорогой доктор! Мне это неприятно! Это и вас не украшает, и мне не ласкает взор!..

По великой своей душевной доброте Лев Николаевич так и не счел возможным призвать Душана Петровича к соблюдению приличия. А тот, не встретив со стороны своего пациента никакого сопротивления, настроил помаленьку целую книжку под названием «Яснополянские тетради». Про большие карманы и рукоблудный блокнот Макавицкий сам в ней всему свету поведал.

Врачи вообще не стыдливы, а уж кому волею судеб великого человека наблюдать доведется — те порою просто борзеют от усердия.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ В ПЛОСКОСТИ ОБЩИХ ТЕМ

Однажды в Ясную Поляну приехал философ Лев Шестов. Он стремился опробовать на Толстом действие своей адогматической философии. Слишком поздно. Ветхий днями Лев Николаевич уже успел извериться в правоте даже

таких мыслителей, как Шопенгауэр и Кант. Любые новые умопостроения его тем более не занимали.

Но раз уж человек приехал, поговорить с ним о чем-то надо?.. Беседа как-то сама собою соскользнула с головокругительных вершин экзистенциализма в плоскость низменных, общих тем. На этой благодатной равнине старому льву хватало добычи. Здесь, при виде всякого человекообразного перпендикуляра, он исполнялся суровым учительным духом. Здесь лучше было ему на глаза не попадаться.

Наиболее низменная и общая русская тема — это, конечно же, наше всенародное непрсыхание. Толстой с каким-то злым удовольствием часто повторял слова Бисмарка о том, что «один трезвый русский извозчик вдсятеро разумней дюжины пьяных русских министров». Повторил и сейчас. Лев Николаевич решил доказать Шестову прописную истину: мыслящему человеку пить вредно. В пьяном виде мыслящий человек теряет свою, и без того весьма относительную, ценность. Работник умственного труда, регулярно отравляющий свой мозг алкоголем, подобен пианисту, который сам защемляет свои пальцы крышкой рояля, или скороходу, добровольно уродующему собственные ноги...

Не вполне понимая, куда Толстой клонит, Шестов, на всякий случай, поспешил с ним согласиться, честно добавив, что сам сроду не пил, не пьет и пить не собирается, потому что, по его мнению, занятие это весьма и весьма скучное.

— Сами вы скучное!!! — неожиданно резко возразил Толстой. — Если бы скучное оно было — разве пил бы кто?!. Все вы так говорите, а потом наклюкиваете до одури и безобразничаете с певичками!.. Или еще лучше — с цыганами!.. Будете мне рассказывать!.. Уж я-то знаю!..

— Меня самого пристрастие к спиртному едва не погубило как писателя!.. — продолжал Лев Николаевич горячим шепотом. — Лучшие годы моей жизни омрачены пьянством и долгой, тяжелой внутренней борьбой с ним. Если бы не водка, я наверняка написал бы не меньше, чем Диккенс!..

— Но ведь вы и так написали куда больше Диккенса, Лев Николаевич!..

— Вы в этом уверены?.. Что ж, со стороны, как говорится, виднее. Ну тогда бы я написал столько, сколько я и Диккенс, вместе взятые. Ужасно жаль потерянного времени. Если бы вы могли до конца уяснить себе, какое это страшное, неотвязное зло — сивуха! Как я жаждал бросить пить!..

— Великолепно сказано, Лев Николаевич! С позиции формальной логики выражение «жаждать бросить пить» — очевидный нонсенс, но ведь именно так, по большей части, у нас на Руси и «бросают»!..

Этот Шестов хоть и был мыслителем университетской выпечки, но, как видно, не полный дурак.

— В самом деле?.. Да, действительно... Не забыть бы в дневник записать... Знаете, находится немало охотников обвинять меня в том, что я нарочно утяжеляю и коверкаю русский язык, подделяваясь под простонародье. Но вот вы сами видите, какой удивительно глубокий смысл способно передать даже случайное косноязычие. «Жаждать бросить пить»... В этом чувствуется и непокорство судьбе, и обреченность... Тем не менее бросать надо, и чем раньше, тем лучше. Послушайте! А почему бы вам не сделать это уже сегодня?.. Хоть какая-то польза от нашей встречи будет!.. Вы, я так понимаю, хотите поскорей домой, в Москву, вернуться? Это правильно. Если не станете здесь рассиживаться — пожалуй еще поспеете к вечернему поезду. Там, на станции, буфет есть, в нем водка продается. С дороги-то, с холodu, стопку-другую хватить так, бывает, приятно!.. А вы, как раз, и воздержитесь!.. Обещайте сделать над собой усилие и пройти мимо искушения с высоко поднятой головой!..

— Да ведь я и так не пью, Лев Николаевич!.. Что толку в подобных обещаниях?! С тем же успехом я могу заверить вас, что не съем собственную шляпу и не искусаю станционного сторожа!..

— Э-э-э!.. Понесло!.. Понесло!.. Так я и думал!.. Шляпу!.. Сторожа!.. И не стыдно вам старику зубы заговаривать!.. Признайтесь лучше, что просто силы воли не хватает!.. Я пойму!..

Шестов пожал плечами, обещал не пить и уехал, Лев Николаевич тут же благополучно о нем забыл. Философ был у него двадцать девятым посетителем за день. Разве всех запомнишь?..

Последним, тридцатым, в гостевом списке значился некий выпускник реального училища, остро переживающий конфликт поколений сын околоточного надзирателя из Мологи. Выслушав его, Лев Николаевич в довольно реакционных выражениях объяснил юноше, что христианину следует любить и почитать своего отца, даже если шалуны-приятели за глаза величают его «цепным псом самодержавия», а старшая сестра — «душителем свободы». Что распространенная среди так называемой «передовой молодежи» безоглядная вера в «темное прошлое» и «светлое будущее» — есть вредное и нелепое заблуждение. Если живешь по совести — прошлое всегда оказывается светлым, а будущее темным...

Эта простая, хотя и не вполне прозрачная мысль покажется особенно глубокой применительно к судьбе Мологи. Лет через двадцать-тридцать за какие-то невидимые миру грехи городишко сей обречен будет сгнить на дне гигантской стоячей запруды Рыбинского водохранилища, чтобы, подобно Содому и Гоморре, остаться в веках пустым, никого не вразумившим и не образумившим звуком.

И когда давным-давно уже не взыскующий никаких идеалов прежний юноша в тысяча первом лагерном бараке Каналстроя станет рассказывать соседу по нарам сказку о своем паломничестве в Ясную Поляну, о том, как Лев Николаевич Толстой из собственных рук угощал его чаем с тремя кусками сахару, яблочным вареньем и булками с маслом, — сосед ему, разумеется, не поверит и лишь тихонько, по-собачьи заскулит при воспоминании о белых булках, сахаре и сливочном масле, о безвозвратно канувших в прошлое, далеких и прекрасных, как звезды небесные, райских запретных плодах...

Хотите верить, хотите нет, но Лев Николаевич действительно угостит будущего каторжника чаем, ласково его напутствует и, распрощавшись, примется, наконец, заносить важнейшие впечатления прожитого дня во все свои дневники. Их у него в постоянном обиходе штук шесть или семь, не считая потайных и утерянных. Какой смысл в одновременном ведении такой уймы дневников — для нас загадка. И для Толстого — загадка. Но он в отличие от нас не ищет на нее ответа. Сейчас, на наших глазах, он смиренно погружается в свое умопомрачительное многописание, как все та же Молога под воду.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ (быль)

По случаю 80-летия Толстой получил огромное количество поздравительных писем, телеграмм и подарков.

Самым ценным по праву считается подарок артели официантов сада-ресторана «Фарс». На свои трудовые шиши, вкладчину, официанты заказали известной фирме Баташова полутораведерный мельхиоровый самовар с гравированными надписями: «Царство Божие внутри Вас есть», «Не в силе Бог, а в правде», «Не так живи, как хочется, а как Бог велел» — ну и так далее, в том же благочестивом, приятного аппетита духе.

Принимая подарок, Лев Николаевич растрогался, прослезился и тут же стал проверять, хорошо ли крутится крапник в виде ангела с распростертыми крылышками.

А Софья Андреевна приуныла. Ей померещилось, что этих невозможных, фарсовых пролетариев штопора и подноса измыслил и подослал с того света незабвенный насмешник Иван Александрович Гончаров. Графиня Толстая нимало не верила в творческую удачу простого народа. Считала народ серым, не способным на такие сверхъестественные, оглушительные пошлости.

Зря она о народе так. Брала бы лучше пример с мужа. Лев Николаевич был убежден в том, что для народа нет ничего невозможного. И безо всякого Гончарова, Толстого, Гоголя, Пушкина народ наш сумеет самовыразиться в формах, ему сродственных и соразмерных.

Вслед за официантами прибыла депутация рабочих Щекинского шпалопропиточного завода. Их подарок, сильно уступая самовару в блеске, выигрывал в неотражимости. Толстому сначала показалось, что четверо честных тружеников вносят на плечах в залу черный, пахнущий новым сапогом гроб. Узнав, что это всего-навсего шпала, Лев Николаевич снова прослезился. К шпале дюймовыми рельсовыми болтами была привинчена литая чугунная табличка с изречением: «Темно еще на Руси, но свет и во тьме светит и тьма его не объест».

Эту юбилейную шпалу Софья Андреевна сожгла в печи зимой 1917/1918 года, а табличку яснополянские маль-

чишки раскололи обухом топора на мелкие кусочки и с удовольствием расстреляли из рогаток по грачам, воробьям и лягушкам.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ДРУГИЕ ТОЛСТЫЕ

Сыновей у Толстого было шестеро: Леонид, Анатолий, Виталий, Валерий, Марат и Эдуард. Дочерей уже и не упомнить сколько. Раиса, Галина, Инга, Людмила, Алла, Тамара, Светлана, Виолетта, Маргарита, Нонна, Анжелика... Пальцев на руках сосчитать не хватит!..

С дочерьми еще так сяк, а вот с сыновьями у Толстого взаимопонимания никогда не возникало. В детстве они его почтительно побаивались, а когда выросли — взяли моду всячески трунить и третировать.

— Вы, папаша, какой-то паранормальный!.. — любил повторять интеллеktуал Анатолий.

— В этом возрасте, братишка, у каждого свои тараканы в голове заводятся. Еще неизвестно, что ты сам в старости нести начнешь!.. — вступался за отца грубоватый Валерий, любитель автомобильных гонок, футбола и бокса.

— Ну что вы, мальчики! Наш папка еще ничего! Правда, папка, ты у нас еще ничего? — тормошила родителя простоватая Нонна...

Немудрено, что Толстой постоянно порывался бежать из дому. Когда это ему удавалось, дети, все семнадцать человек, пускались вдогонку. Тому, кто первым настигал беглеца, мать, Зинаида Олеговна, по старой семейной традиции пекла коржики.

Толстой от супружней стряпни готов был на стенку лезть. Он и детей-то настругал такую кучу, чтобы жену от печения этих жутких каменноугольных коржиков как-то отвлечь. Сам он всю жизнь проработал сменным мастером на заводе «Маркшейдер» и замечательно прекрасно питался обедами в заводской столовой. А еще он двадцать восемь лет, до самой пенсии, висел на «Доске Почета», жена его считалась самой многодетной в области и даже была на-

граждена орденом «Мать-героиня» Первой степени с вручением ключей от новой пятикомнатной квартиры из резерва облисполкома, так что грех жаловаться. Звали Толстого Николай Ивановичем. Фамилия громкая, а имя простое.

Из произведений своего великого однофамильца он читал только «Кавказского пленника», да и то в школе. Но содержание запомнил.

Простой армейский офицер едет на родину в отпуск. Он собирается жениться на девушке, которую для него приглядела старушка мать. Из-за дурацкой неосторожности офицер попадает в плен к воинственным горцам, которые держат его взаперти, издеваются, кормят как собаку и еще вдобавок требуют за освобождение большие деньги. С помощью одной доброй девочки офицеру удастся бежать. Хлебнув в плену лиха, он решает никуда больше не ездить и уж тем более не жениться. Потому что доброй девочки в следующий раз может и не быть.

Примечательно, что Лев Николаевич Толстой считал «Кавказского пленника» своим лучшим произведением.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ЕГО ЖИЗНЬ

(диктант)

Дед Льва Николаевича от большой барской дури отправлял стирать свое белье за границу. Он прожил жизнь с ощущением ее роковой бессмысленности.

Внук Льва Николаевича не имел возможности отправить за границу даже почтовую открытку. Он прожил жизнь с ощущением ее роковой несвоевременности.

Лев Николаевич границы учреждал для себя сам. Он прожил жизнь своевременную и осмысленную. Ему повезло.

Пожелаем удачи друг другу.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэмы эпохи отмены рабства	5
Рассказы о Толстом	59

**В серии книг «Поэт и проза», издаваемых
«Пушкинским фондом» вышли следующие тома:**

- 1. **В. Яновский.** Поля Елисейские
- 2. **Б. Ахмадулина.** Однажды в декабре
- 3. **С. Гандлевский.** Трепанация черепа
- 4. **В. Соснора.** Дом дней
- 5. **Е. Шварц.** Определение в дурную погоду
- 6. **А. Битов.** Дерево
- 7. **С. Гандлевский.** Поэтическая кухня

**В серии «Имя собственное»
в ближайшее время увидят свет книги**

- **К. Победин.** Поэмы эпохи отмены рабства
- **А. Генис.** Темнота и тишина

Все книги серии тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных сборников обращайтесь
в издательство по адресу:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».

Информация по телефону: (812) 273-37-24
факс: (812) 273-52-56

**В поэтической серии «Автограф», издаваемой
«Пушкинским фондом», вышли следующие сборники:**

- 1. **Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
- 2. **В. Салимон.** Невеселое солнце
- 3. **И. Лиснянская.** После всего
- 4. **Ю. Кублановский.** Памяти Петрограда
- 5. **И. Бродский.** В окрестностях Атлантиды
- 6. **Н. Кононов.** Лепет
- 7. **А. Пурин.** Евразия и другие стихотворения
- 8. **Е. Шварц.** Песня птицы на дне морском
- 9. **С. Гандлевский.** Праздник
- 10. **В. Гандельсман.** Там на Неве дом...
- 11. **В. Дроздов.** Стихотворения
- 12. **Л. Лосев.** Новые сведения о Карле и Кларе
- 13. **А. Цветков.** Стихотворения
- 14. **Д. Новиков.** Караоке
- 15. **И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- 16. **Т. Кибиров.** Парафразис
- 17. **Е. Шварц.** Западно-восточный ветер
- 18. **Б. Ахмадулина.** Созерцание стеклянного шарика
- 19. **В. Салимон.** Красная Москва
- 20. **В. Зельченко.** Войско
- 21. **Б. Кенжеев.** Сочинитель звезд
- 22. **А. Битов.** В четверг после дождя
- 23. **Л. Лосев.** Послесловие
- 24. **И. Лиснянская.** Ветер покоя
- 25. **В. Гандельсман.** Долгота дня

Все книги серии тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных сборников обращайтесь
в издательство по адресу:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».

Информация по телефону: (812) 273-37-24

факс: (812) 273-52-56

П 41

Победин К.

Поэмы эпохи отмены рабства. — СПб.: «Пушкинский фонд», 1998. — 120 с.

ISBN 5—85767—119—1

ББК 84. Р7

Победин Константин Владимирович

Поэмы эпохи отмены рабства

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 1998

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071 541 от 21 ноября 1997 года

Издательство «Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Подписано в печать 28.05.98 г. Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1316.

multiprint
ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

«Полиграфический центр «MULTIPRINT»

190000, г. Санкт-Петербург, Прачечный пер., 6

Тел./факс 812 315 33 10

ПУШКИНСКИЙ ФОНД